

Томское историко-просветительское, правозащитное
и благотворительное общество «Мемориал»

ПО БЛАГОСЛОВЕНИЮ
ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННОГО
РОСТИСЛАВА,
АРХИЕПИСКОПА
ТОМСКОГО
И АСИНОВСКОГО

М. В. Фаст, Н. П. Фаст

НАРЫМСКАЯ ГОЛГОФА

Материалы к истории
церковных репрессий
в советский период

Водолей Publishers
Москва • Томск
2004

Об авторах:

Священник Михаил Вильгельмович Фаст, кандидат богословия,
Нина Поликарповна Фаст, кандидат географических наук

Фаст М. В., Фаст Н. П.

Нарымская голгофа: Материалы к истории церковных репрессий в советский период. М., Томск: Вололей Publishers, 2004.— 560 с.

ISBN

Книга на основании архивных материалов освещает историю уничтожения Томской епархии. Приведены сведения о всех церквях на территории Томской области до революции и об их уничтожении, содержит сведения об епископах, отбывавших ссылку в Нарымском крае, находящихся в заключении в томских тюрьмах и расстрелянных в Томске, о священниках, церковнослужителях и активных мирянах, подвергшихся репрессиям за годы советской власти. Приведены фотографии церквей и репрессированных церковнослужителей.

Книга рассчитана на лиц, интересующихся историей России и Русской Православной Церкви, историей Сибири, историей гонений и репрессирования православных верующих, историей разрушения церквей, историей насаждения и внедрения атеизма в сознание людей в советский период. Книга будет интересна специалистам — историкам, краеведам и архивистам, преподавателям, учащимся и просто верующим. Она будет полезна как ищущим конкретные справочные сведения, так и желающим лучше ознакомиться с работой катка безбожия в Томской области.

ББК

ISBN

© М. В.Фаст, Н. П.Фаст, 2004

© Вололей Publishers, 2004

НАРЫМСКАЯ ГОЛГОФА

Материалы к истории церковных репрессий
в советский период

ГЛАВА I

История Томской епархии в период с 1917 по 1940 год

Я создам Церковь Мою,
и врата ада не одолеют ее.

Мф. 16, 18

В 2001 году в День поминовения всех усопших, пострадавших в годы гонений за веру Христову в Томской церкви Александра Невского была открыта выставка «Нарымская Голгофа», на которой были представлены материалы о более чем 600 священнослужителях и мирянах, пострадавших только на территории Томской области. Присутствовавшая на выставке журналистка просила рассказать о каком-либо церковном чуде. А самым большим чудом было воскресение Церкви Христовой на земле Томской после полного уничтожения и церковей и священников и верующих мирян за годы советской власти.

После октябрьского переворота 1917 года новая богоборческая власть открыто объявила войну Церкви, верующему народу и всему православному укладу русской жизни. При этом история Церкви и положение ее в советском государстве на протяжении 70 лет намеренно искажались. Государственная идеология правящей партии была направлена на борьбу с Церковью и насаждение атеизма среди граждан. Формально советское правительство провозгласило свободу совести и «гарантировало» право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой. В официальных источниках информации всячески пытались опровергнуть «буржуазную пропаганду», что Церковь в СССР гонима. Фактически преследования и притеснения за веру не прекращались ни на один день. Церкви и монастыри были закрыты и разорены, их имущество было расхищено. Монашество,

духовенство и миряне подвергались жесточайшим гонениям. В тысячелетней истории Русской Церкви мученичество за Христа и за веру приняло массовый, всенародный характер.

После падения прежнего государственного строя и развала коммунистической идеологии коренным образом изменилось положение Церкви в обществе. Появился и доступ ко многим ранее засекреченным документам, отражающим жизнь Церкви в советском государстве. Стало возможным заниматься исследованиями истории Церкви и в Томске. Главное внимание в этой книге уделено событиям гонения на Церковь, что является основным фактором церковной истории советского времени.

Пришедшие к власти большевики, провозгласив «свободу совести» и «отделив» Церковь от государства, вовсе не оставили ее в покое. В декрете «О свободе совести» речь шла не столько об «отделении Церкви от государства», сколько о лишении Церкви всяческих прав: права юридического лица, права владения храмами и церковным имуществом, права обучения вере в общественных и частных учебных заведениях¹. Курс нового правительства был направлен на «освобождение трудящихся масс от религиозных пережитков». Начались преследования за религиозное мировоззрение, а к духовенству стали относиться как к «классовому врагу». Под любым предлогом старались закрывать храмы, изымать церковные ценности, к «контрреволюционному» духовенству стали применять прямые репрессии, вплоть до тюремных заключений и расстрелов.

Не избежала преследований и Томская Церковь. Она, как и вся Русская Православная Церковь, терпела гонения, терзалась церковными расколами, спровоцированными безбожной властью, боролась за свое выживание. Все духовенство в Томске было репрессировано: сослано, арестовано, расстреляно. Даже отрекшись от сана, священник не мог избежать ареста. Во второй главе приведены сведения о репрессированных священнослужителях и мирянах на территории Томской области. Здесь же приведены сведения об архипастырях в период с 1917 по 1937 год.

К 1940 году в Томске были закрыты все храмы, а их перед революцией было около 140. Нами были просмотрены «Исповедные росписи», сохранившиеся в ГАТО с 1740 года, «Клировые ведомости» и, таким образом, собраны краткие сведения почти обо всех церквях, построенных на территории области и служа-

щих в них священниках. Сведения о церквях и монастырях приведены в третьей главе.

Фотографии священнослужителей и храмов собирались буквально «с миру по нитке». Еще лет двадцать назад нам была дана всего на одну ночь фотографическая пленка с снятыми на нее открытками старого Томска. На открытках были и фотографии томских церквей. Кто-то сохранял эти открытки, кто-то, получив их на короткое время, переснял на фотопленку. Нам оставалось сделать фотографии. Позже вышел альбом на основе коллекции этих почтовых открыток «Прогулка по старому Томску», составленный Э. Майданюком. Еще труднее было собрать фотографии епископов, священников, служивших в томских храмах. Во-первых, фотографии изымались при арестах и обысках. В делах их нет, уничтожены. Зато в двух-трех делах сохранились фотографии, сделанные во время следствия. Фотографии эти очень низкого качества и плохо сохранились, но, за неимением других, приведены здесь. Многие фотографии — из личных архивов родственников, со страхом, но бережно сохранивших их. Цветные фотографии ныне действующих храмов (отреставрированных или разрушенных) выполнены священником Александром Классеном. Большое спасибо всем.

В 1944 — 1945 годах, при первой же возможности, верующие смогли вновь открыть четыре храма в Томской области. Но репрессии на Церковь не прекратились.

ТОМСКАЯ ЦЕРКОВЬ НАКАНУНЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Город Томск был заложен в 1604 году и при образовании Тобольско-Сибирской епархии в 1622 году вошел в ее состав. Высочайшим указом от 22.04.1834 года в Томске была открыта особая самостоятельная епархия. В состав Томской епархии вошли Томская и Енисейская губернии, поэтому и епархия стала именоваться «Томско-Енисейской». 25.05.1862 года Енисейская епархия была выделена в самостоятельную, после чего Томская епархия стала именоваться «Томской и Семипалатинской». Указом Святейшего Синода от 2.01.1880 года было открыто первое вика-

риатство в городе Бийске. Бийский викарный епископ являлся начальником Алтайской миссии. С образованием Омской епархии, куда вошла и Семипалатинская область, Томская епархия стала именоваться «Томской и Барнаульской». Большой рост населения Томской епархии в начале XX века (в целом благодаря переселенцам из европейской части России) вызвал увеличение числа приходов, церковных школ и других церковных организаций. Это побудило Высокопреосвященного архиепископа Макария Томского ходатайствовать перед Священным Синодом о назначении второго викария Томской епархии с тем, чтобы он проживал в Томском мужском монастыре и был его настоятелем. Ходатайство было удовлетворено в 1908 году, и второму викарному епископу был присвоен титул «Барнаульский», а Томская епархия стала именоваться «Томской и Алтайской». Томская епархия в этих границах просуществовала до 1922 года, когда обновленческим Сибирским Церковным Управлением были выделены в самостоятельные Новониколаевская (Новосибирская) и Алтайская епархии².

Что же представляла собой Томская епархия в начале XX века накануне революции 1917 года? В состав территории Томской епархии входили современные Томская, Новосибирская, Кемеровская области и Алтайский край. По сведениям на 1914 год, Томская епархия включала 54 благочиннических округа, и, кроме того, 3 благочиния Алтайских миссионерских церквей (всего 28 церквей), благочиние градо-Томских домовых церквей (24 бесприходных церкви), благочиние градо-Ново-Николаевских церквей (8 церквей), благочиние градо-Бийских церквей (4 церкви), благочиние градо-Барнаульских домовых церквей (6 церквей), благочиние Змеиногорского собора (1 церковь), благочиние железнодорожных церквей (9 церквей), благочиние Томских монастырей, Томского кафедрального собора, Томской единоверческой церкви и Томского университета и благочиние Томского архиерейского дома. Всего в епархии было более тысячи храмов³. На территории современной Томской епархии, соответствующей границам Томской области, установленным в 1944 году, было перед революцией около 140 храмов, часовен и домовых церквей.

К 1916 году в епархии было девять монастырей⁴, из них два в Томске: Томский мужской Богородице-Алексиевский общежительный третьеклассный монастырь и Иоанно-Предтеченский женский монастырь. Томский мужской монастырь был образо-

ван в 1663 году. В 1789 году на его территории была выстроена каменная церковь трехпрестольная. На монастырской заимке, так называемой архимандритской, имелась еще деревянная церковь. Братии в монастыре в 1914 году было 43 человека. Томский Иоанно-Предтеченский женский монастырь был образован в 1876 году из женской общины, основанной в 1864 году. Церквей в женском монастыре было четыре, и, кроме того, была церковь при принадлежавшем монастырю приюте и Доме трудолюбия. Сестер в 1914 году было 182.

В Томске довольно рано стали обращать внимание на духовное образование. Первая духовная школа в Томске была открыта при Богородице-Алексиевском монастыре 5 марта 1746 года и названа Русским духовным училищем. Около 40 лет это было единственным учебным заведением⁵. В 1803 году в Томске была открыта Духовная гимназия, которая просуществовала до 1818 года. В 1820 году на базе закрытой гимназии было открыто духовное училище. Для дальнейшего образования юношей из духовного сословия посылали учиться в Тобольскую духовную семинарию. Однако до Тобольска в те времена добирались на лошадях неделями. Дорога была тяжелой и небезопасной. Родители не желали разлучаться со своими детьми и старались уклониться от этого. При епископе Парфении (Попове), человеке высокообразованном, была открыта в Томске в 1858 году Духовная семинария, и отпала необходимость посылать юношей учиться в Тобольск. В 1883 году было открыто Епархиальное женское училище для девиц духовного сословия. Окончившие это училище получали аттестат с правом на получение звания домашних учителей. Многие становились учителями церковно-приходских школ, а иные выходили замуж за священников и становились добрыми помощницами своих мужей в деле их пастырского служения. К началу XX века почти при всех приходах (если не было школ гражданского ведомства) имелись церковно-приходские школы или школы грамоты и церковные библиотеки. С 1880 года в Томске стал издаваться журнал «Томские епархиальные ведомости». Это был епархиальный печатный орган, где помещались статьи богословского и исторического содержания и епархиальные новости.

Город Томск в Сибири был образовательным центром Сибири. В 1888 году в Томске был открыт первый в Сибири Импера-

торский университет. Многие выпускники семинарии стали первыми студентами этого университета. В 1900 году был открыт Томский технологический институт. Перед революцией 1917 года начали готовить и открытие Томской духовной академии. В Томске служило немало духовенства с академическим образованием и учеными степенями. Однако Октябрьский переворот воспрепятствовал намерению открыть Духовную академию в Томске.

В Сибири проживали многочисленные старообрядческие общины разных согласий и сектанты. 21 сентября 1884 года было образовано Братство святителя Димитрия Ростовского. Цель Братства была чисто миссионерской, связанная с обращением их в Православие. В Томске Братство возглавил архиепископ Макарий. Кроме того, было создано отделение Братства в Бийске, которое возглавил епископ Иннокентий. Братство занималось издательством противосектантской литературы и другой просветительской деятельностью.

Понимая, какое зло производит пьянство среди сибирского населения, Церковь пыталась бороться с этим явлением. В 1900 году было образовано Общество трезвости при попечительстве Никольской церкви г. Томска. Целью общества было противодействие употреблению спиртных напитков среди томского населения. Для этого верующие Никольской церкви занимались просвещением путем раздачи брошюр различного содержания (главным образом, против пьянства), устройством библиотеки, проведением бесплатных народных чтений по вечерам в воскресные дни, иногда с постановкой туманных картин. На этих чтениях всегда было много слушателей. В собственной аудитории Никольского общества, рассчитанной на 500 человек, собиралось обычно по три статьи, которые проходили в таком порядке: 1) церковного содержания, 2) против пьянства, 3) исторического или бытового содержания; в заключение ставились туманные картины. В благотворительных целях общество содержало даже дешевую чайную столовую с отделением небольшой библиотечки. Всякий бедняк здесь за 3—6 копеек мог получить чай и здоровую пищу, а также отдохнуть, читая книги, журналы и газеты. При обществе существовала и воскресная школа грамоты для взрослых (от 20 до 45 лет), в которой обучались до 130 человек⁶. Предполагалось, что уже само это учение поможет избежать праздного времяпрепровождения в воскресные дни. Общества трезвости в

Томске существовали еще при Сретенском, Иоанно-Лествичниковском и Знаменском храмах.

Были и особые традиции в духовной жизни томичей. Ежегодно в весенние майские дни совершались крестные ходы с чудотворными иконами. 8 мая торжественно приносился чудотворный образ святителя Николая из села Семилужного, находящегося в 30 верстах от Томска. 21 мая приносился образ Божией Матери Одигитриевской Смоленской из села Богородского, находящегося в 70 верстах от Томска. 25 мая начинался крестный ход из села Ярского, находящегося в 45 верстах от Томска, с чудотворной иконой Введения во храм Пресвятой Богородицы. По дороге этот крестный ход встречался с крестным ходом из села Спасского, находящегося в 18 верстах от Томска, с чудотворной иконой Спаса Нерукотворного. Оба крестных хода объединялись в один и 26 мая входили в Томск. Во время шествий с иконами постоянно пелись молебны, акафисты и другие церковные песнопения⁷.

Во многих храмах Томска были особо чтимые иконы и другие святыни. Это Иверская икона Божией Матери в Иверской часовне на Базарной площади, в Воскресенском храме — икона Всех скорбящих Радосте, в Знаменской церкви — икона Знамения, образ святителя Николая Чудотворца, который был в человеческий рост в серебряной позолоченной ризе, и др.

ЦЕРКОВНЫЕ СОБЫТИЯ В ТОМСКЕ ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ И В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

6 декабря 1917 года исполнительный комитет Томского Совета рабочих и солдатских депутатов в обращении к гражданам Томска известил о переходе власти в городе в его руки. В декабре 1917 — январе 1918 года советская власть установилась во всех городах и рабочих поселках губернии. Государственный переворот в России сразу же сказался и на жизни Церкви. С одной стороны, духовенство имело много причин быть недовольным царившим в его жизни гнетом и произволом прежней власти, с другой —

с первых же дней советской власти на Церковь обрушиваются гонения. Принятый Декрет Совета народных комиссаров 20 января (2 февраля) 1918 года о свободе совести, осуществил отделение Церкви от государства, национализацию церковного имущества и поставил Русскую Православную Церковь в жесткие рамки всяческих запретов и ограничений. Церковь потеряла юридическое лицо, лишилась права владения собственностью. Приказом народного комиссара государственного призрения А. Коллонтай от 23 января 1918 года были прекращены выдачи средств на содержание церквей и священнослужителей⁸. Томский губернский комитет народного образования объявил, что Закон Божий более в школах не должен читаться, и с 1 марта прекращается финансирование законоучителей⁹. Прекращается всякое финансирование церковных учебных заведений — они закрываются.

«Томский церковно-общественный вестник» (№ 10 от 21 (8) марта 1918 года) пишет: «Исполнился год Русской революции. С окончанием его можно только сказать: ужасный год, кошмарный год! ...Духовенство в состоянии гонимого, бесправного сословия... Начавшиеся погромы помещичьих владений захватили и монастыри, часто с осквернением храмов, в народе нарастает неверие, солдаты кощунствуют и бесчинствуют, становятся безбожниками... Прекращается преподавание Закона Божия в школах... Началось хищение церковного имущества... Аресты епископов, как гром поразившие всю Православную Русь, известие о зверском убийстве престарелого митрополита Киевского Владимира... Началось кровавое преследование за веру Христову». В другой статье этого же номера пишется: «Авторитет пастыря падает, личность его попирается... Батюшки из деревень общаются: народ озверел, растет безбожие».

В «Томских епархиальных ведомостях» за май 1918 года помещено «Послание к православным жителям Мариинского и Томского уездов» епископа Томского Анатолия (Каменского), из которого мы узнаём, что под новый 1918 год в селе Ишим «шайкой грабителей, называющих себя большевиками, был убит священник Соколов. Под Крещение в селе Белогороднем, тою же шайкой расстрелян священник Сердобов. В продолжение нескольких месяцев вооруженные шайки бродят по сёлам Мариинского и Томского уездов, нападают, прежде всего, на священников, грабят и подвергают их и их семейства всяческим издевательствам, и тем заставляют бежать из своих приходов. Многие

приходы в этих уездах к настоящему времени остались без священников. Заместить пустующие вакансии не представляется уже возможным. Никто из священников не желает идти на служение в такие гиблые места. Никто не желает разделить участь убитых и поруганных».

28 марта 1918 года Томским военно-революционным штабом город Томск был объявлен на военном положении в связи «...с выступлением контрреволюционных сил, выразившемся в захвате оружия в 39 полку и усилившейся погромной агитацией»¹⁰. Начались аресты. Среди первых арестованных были директор частной мужской гимназии И.Н. Воскресенский, профессор Н.Я. Новомбергский и др. В ночь на 28 марта 1918 года в Томске был арестован священник церкви Иоанна Лествичника Пётр Блинов (будущий обновленческий митрополит «всёя Сибири») по обвинению в агитации против советской власти. Правда, вскоре о. Пётр был освобожден на поруки своих прихожан с заверением, что он не будет продолжать выступления против советской власти¹¹.

Широко известным стало кровавое событие, произошедшее в Томском Иоанно-Предтеченском женском монастыре в мае 1918 г. Председатель союза по призрению инвалидов граждан Глузман производил реквизицию съестных припасов в монастыре. Взяв 500 пудов муки, он объявил о реквизиции и других продуктов, а также молочного скота и лошадей. При этом вел себя по отношению к сестрам вызывающе и грубо. Это произвело между ними панику. Все понимали, что реквизиция в таком количестве продуктов обрекает около 300 человек в стенах монастыря на голодание. Глузман явился в монастырь с вооруженной силой, и, взломав монастырские ворота, вторгся в монастырь, где собралась привлеченная разными слухами толпа местных жителей. Появление Глузмана было встречено набатным звоном, что привлекло в монастырь еще больше народа. Народная толпа стала противодействовать намерениям Глузмана и заставила его уйти из монастыря. Через час или полтора появилась автомашина с красноармейцами. На территории монастыря произошли кровавые события. Комиссар Кривоносенко стал стрелять в толпу. Были убиты Савва Игнатьевич Канцер и Лука Анникиевич Смирнов, ранено несколько женщин. Когда комиссар, расстреляв заряды, выбежал за ворота монастыря, его убили самого. Это было 24 (11) мая в пятницу вечером. Убийство комиссара грозило жес-

точайшей расправой над монастырем. Тогда епископ Томский Анатолий призвал справедливо оценить все происходящее в духе братской любви и миролюбия¹². Это кровавое событие стало широко известным даже за пределами города Томска (сообщение об этом было и в газете «Правда» от 14 мая 1922 года, № 108).

Продолжением этой истории стали арест и убийство большевиками священника Николая Александровича Златомрежева.

Некролог, напечатанный в «Сибирской жизни» от 6 июля 1918 года:

«...Покойный Н. А. был чисто русской доброй души и, любя народ и зная его материальные и духовные нужды, болел душою за его будущее строительство, возмущался социальной неправдой и искал путей послужить народу. В 1915 году будучи студентом 4 курса Московского Коммерческого института, Н. А. под влиянием общего патриотического подъема поступает добровольцем в армию... Неся опасную и ответственную службу в разведочном отряде, Н. А. в боях под Молодечно был контужен в голову и, как негодный для дальнейшего несения военной службы, был освобожден от нее. Теперь Н. А. решается послужить родному народу на поприще пастырства, понимая задачу последнего во всей его полноте.... И вот в 1916 году Н. А. поступает на приходскую работу при томской Преображенской церкви.

...С наступлением свобод Н. А. не ограничивается церковною кафедрою, он говорит всюду, где представляется случай: его речи, полные воодушевления, раздаются и на районных собраниях, и в профессиональных организациях, и в собраниях духовенства и мирян. Он говорит об общей спячке, когда гибнет родина... зовет всех к активной дружной работе, возмущается инертностью и равнодушием к общему делу. И не удивительно, что когда открылось царство совдепа, Н. А. был отмечен вниманием большевиков. Они арестовали его и бросили в тюрьму, в одиночную камеру, где на его глазах прибили дощечку со смертным приговором, желая таким образом «отрезвить» вредного агитатора против советской власти. Но Николай Александрович не поддавался этим запугиваниям и, получив освобождение по ходатайству прихожан, возмущенных грязной заметкой об их пасторе, помещенной в пресловутой газете «Знамя Революции», продолжал вести борьбу с врагами народного блага. Между тем т.т. Глузмань и К^о вздумали грабить женский монастырь и на защиту беззащитных и запуганных бывших деревенских крестьянок-монахинь в числе первых явился Н. А. Конечно, такой дерзости не могла простить ему горделивая совдеповская власть, и 28 мая

Н. А. был арестован в своей квартире и отвезен в совдеп, откуда уже не возвратился. «Благожелатели народные», верно служа немецкому делу, расстреляли Н. А. вместе с другими борцами за счастье народа и столкнули в реку.

Так насильственно оборвана молодая (Н. А. родился в 1892 г.), деятельная и полезная жизнь. Пройдут годы, история впишет на черную свою страницу период большевистской тирании, произнесет свой беспристрастный суд преступной власти, подсчитает, может быть, общее число жертв ее злодейства, подтвердит, что проклятие, посылаемое современниками этой разбойничьей власти, было вполне заслуженным, а пока приходится утешаться одною надеждою, что судьи-палачи... временно разбежавшиеся по укромным уголкам от народного гнева, в свое время от публичного и законного суда получат достойное по делам своим.

Краток, но тернист был путь Н. А., умершего смертью мученика, пусть же земля будет ему пухом» («Сибирская жизнь», 1918 год, 6 июля).

Похоронен о. Николай на кладбище мужского монастыря. Включен в синодик Петропавловской церкви г. Томска.

А вот как описывает эти события Сергей Заплавный (томский писатель-коммунист) в своей книге «Рассказы о Томске»: «Накануне общего выступления белочехов в томском женском Иоанно-Предтеченском монастыре... объединились для совместных действий переодетые в монашеское одеяние пепеляевцы, представители эсеровского подполья, кулаки из окрестных деревень. Уполномоченных Совдепа, реквизиравших продовольствие для детских домов города, они встретили ружейными залпами. Завязалась ожесточенная схватка, в которой погиб двадцатитрехлетний комиссар по борьбе с контрреволюцией Дмитрий Кривоносенко¹³. Имя комиссара Кривоносенко носит и сейчас одна из томских улиц.

В это же время было множество неосновательных газетных выпадов и на епископа Томского Анатолия. Тем не менее он со своей стороны принимал все меры к тому, чтобы при участии городских приходских советов все недоразумения, возникающие при проведении в жизнь «Декрета о свободе совести», секвестрацию различных зданий церковного ведомства, изъятие архивов, метрик, бракоразводного делопроизводства и прочее улаживать без особых трений и без оружия в руках.

1 июня 1918 года считается днем падения Томского совдепа и учреждения антибольшевистского Временного Сибирского

правительства¹⁴. Летом 1918 года шла жесточайшая гражданская война на территории Томской губернии. В ноябре 1918 года на территории Томской губернии установилось Сибирское правительство адмирала А. В. Колчака, которое держалось один год. За это время неоднократно поднимался вопрос в защиту Православной Церкви и её учреждений. Сибирское правительство приняло решение содержать духовные учебные заведения на средства казны. Однако вопрос о преподавании Закона Божия так и не был решен, так как новому правительству досталось вконец расстроенное финансовое хозяйство.

23 июля 1918 году была создана и утверждена епископом Анатолием комиссия для испытания кандидатов на священно-церковные должности¹⁵. В августе 1918 года был объявлен набор в Томскую духовную семинарию, Епархиальное женское училище и мужское Духовное училище. С 1 по 13 сентября были назначены приемные испытания и с 13 сентября церковного стиля должны были начаться занятия. Чувствовались большие материальные трудности учебных заведений. Правление семинарии просило воспитанников взять с собой из дома простыни и наволочки в количестве не менее 2 смен, а также по возможности одеяло, подушку, т. к. многое из имеющегося обветшало. Плата за содержание одного человека составляла 357 рублей¹⁶. Можно предположить, что и в 1919 году объявлялся набор в эти учебные заведения.

Поскольку Гражданская война затрудняла связь Патриархии с отдаленными сибирскими епархиями, в ноябре 1918 года в Томске состоялось Сибирское церковное совещание при участии 13 архиереев, возглавлявших епархии Поволжья, Урала, Сибири и Дальнего Востока, а также 26 членов Всероссийского Собора из духовенства и мирян, оказавшихся на территории, занятой войсками адмирала Колчака. Почетным председателем избрали митрополита Казанского Иакова (Пятницкого), который с 1920 года некоторое время будет управлять Томской епархией, а председателем — архиепископа Симбирского Вениамина (Муратовского). На совещании было образовано Временное Церковное управление во главе с архиепископом Омским Сильвестром (Ольшанским). В Высшее Временное Церковное управление вошли архиепископ Симбирский Вениамин (Муратовский), епископ Уфимский Андрей (Ухтомский), протоиерей Иаков Галахов (про-

фессор богословия и приват-доцент историко-филологического факультета Томского университета) и др.¹⁷

Для борьбы с большевистскими бандами на территории Томской губернии, по благословию епископа Томского Анатолия, было учреждено братство Святого Креста. В «Церковном листке» № 17 был опубликован устав Братства¹⁸. Первый пункт гласил: «Братство Святого Креста учреждается для борьбы с большевизмом как в тылу, так и на фронте, для защиты веры и родины». Было решено создавать боевые дружины Святого Креста. Каждый член дружины должен был принимать присягу перед Крестом и Евангелием. Для членов дружины был учрежден восьмиконечный крест, который надевался поверх одежды.

27 сентября 1919 года, в День Воздвижения Креста Господня, по благословию епископа Томского Анатолия, в церквях Томской епархии перед Литургией служили панихиды о всех погибших в борьбе с большевиками архиереях, пастырях, вождях и воинах и прочих православных христианах. После литургии в День Воздвижения и в последующие дни служили молебны о даровании победы христоролюбивому воинству, а на проповедях призывали записываться в члены Братства и дружины Святого Креста.

Однако осенью 1919 года началось отступление армии Колчака. Вместе с отступавшими частями Колчака на Восток уходили и многие священнослужители, а вместе с ними увозились и многие церковные реликвии. Вынужден был уехать и епископ Анатолий, известный своими призывами против большевиков. Осенью 1919 года была эвакуирована с пароходом из Тобольска рака с мощами святителя Иоанна Тобольского, которую сопровождал протоиерей Тобольского кафедрального собора Хлынов. С 14 сентября по 6 декабря мощи находились в Томске в Троицком кафедральном соборе¹⁹. По воспоминаниям Виктора Петровича Черепанова, в начале зимы 1919 года с крестным ходом рака была перенесена на железнодорожную станцию Томск I и отправлена в Иркутский Вознесенский монастырь, где находились мощи святителя Иннокентия Иркутского. Михаил Васильевич Каменский также сообщает, что перед приходом Красной армии его брат, епископ Анатолий Томский, увез мощи в Иркутск²⁰.

ПОЛОЖЕНИЕ ЦЕРКВИ В ТОМСКЕ С ВОССТАНОВЛЕНИЕМ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

17 декабря 1919 года советская власть в Томске была восстановлена. Начались преследования участников Колчаковской армии и правительства. Всех священнослужителей подозревали в соучастии или сочувствии Сибирскому правительству Колчака и обвиняли в контрреволюционной агитации против большевистского правительства. Заработали Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступностью. В селе Казанское Ново-Кусковской волости арестовали несколько человек по обвинению в контрреволюции, в том числе арестовали 74-летнего священника Иоанна Васильевича Иваницкого. Его обвинили, прежде всего, в том, что он «усердно молился за белых и не желал отпевать красных». Священник Иоанн Иваницкий дал следующее показание: «В нашем селе были и красные, и белые. Мне все равно. Они между собой воевали. Был отряд Сурова. Он расстреливал крестьян. На меня пало подозрение, что давал им сведения, а на самом деле в эти дела я совершенно и никогда не вмешивался». По этому процессу было расстреляно несколько человек. Иваницкого осудили на 5 лет «принудработ», но в связи с «преклонным» возрастом меру наказания изменили на условную, и в декабре 1920 года его освободили²¹. В это же время в селе Кожевникове арестовали и обвинили в контрреволюционной деятельности и подготовке вооруженного восстания священника Ефима Денисовича Байчева²². Его осудили на 5 лет «принудработ». Через несколько месяцев он был освобожден. В селе Монастырском был арестован молодой священник Павел Григорьевич Иванов. Поводом для ареста послужили две фотографии, на которых он красовался в офицерской одежде с барышней и один. Иванов сообщил, что офицером был его брат, в одежде которого он и покрасовался перед рукоположением, что в боях против Советской власти он не участвовал и в белогвардейской организации никакого участия не принимал. Ему поверили и освободили²³.

Пощадили в 1920 году и священника Ефима Платоновича Соловьева. Служил он с 1902 года в селе Чилино. За него заступились сельчане, охарактеризовав его как человека мирного, ни в какую политику не вмешивавшегося. 19 января 1920 года Томс-

кая Чрезвычайная комиссия вынесла решение о его освобождении, но уже на следующий день 20 января он снова был арестован. 8 апреля его амнистировали²⁴. Он продолжал служить священником в своем же селе. Однако судьба о. Ефима сложилась трагически. В 1931 году на него снова завели «дело» и обвинили в доносах на политических ссыльных в дореволюционный период. И снова, не найдя доказательства преступлений в его действиях, он был освобожден²⁵. В 1937 году ему припомнили все: и что он был лишен избирательных прав в 1919 году, и что в прошлом он имел свой дом, корову и прочее, и что сын его — священник, и что зять его — священник, что дочь его поехала в ссылку вместе с мужем, и что самого его много раз арестовывали, и что в настоящее время он не занимается общественнополезным трудом. 80-летний священник был расстрелян²⁵.

В это время чаще всего расправлялись без суда и следствия. Только иногда можно прочесть в каком-либо документе, что, например, «Молчановское временное ревбюро расстреляло 28 января 1921 года священника Белявского и католического ксендза Грабовского»²⁶. Немного «дел» сохранилось в архивах и все же можно видеть размах карательной деятельности советской власти с первых дней ее существования. В 1921 году по «делам» проходят сразу большие партии людей. Так, в «деле» священника Евсея Нестеровича Брынчика — 9 человек²⁷, в «деле» священника Антона Ивановича Хох (по национальности поляк) — уже 22 человека²⁸.

К марту 1920 года в порядке реквизиции в городе Томске были уже отняты следующие здания: Духовная Семинария, Епархиальное женское училище, Духовное училище, Духовная консистория, Архиерейский дом, епархиальный дом. Результаты этих реквизиций оказались печальными. Правящий епархией (епархия включала две губернии — Томскую и Алтайскую числом до двух с половиной миллионов людей) митрополит Иаков (Пятницкий) был лишен мало-мальски сносного помещения. Из заявления представителей приходских советов г. Томска можно видеть, что он «принужден ютиться в холодной, темной комнате, лишенной примитивных удобств и приспособлений даже в качестве квартиры. У него нет места для приема многочисленных просителей, нет помещения для личной канцелярии». В еще худшем положении оказался Епархиальный совет. Он буквально был выброшен на улицу, лишился всего инвентаря, канцелярских принад-

лежностей и средств: «В настоящее время он работает в невообразимых условиях на хорах кафедрального собора, где ноги зябнут в пимах, где сидеть приходится в шубах»²⁹.

После опубликования 30 августа (н. ст.) 1918 года Наркоматом юстиции инструкции о порядке проведения в жизнь декрета «Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви» духовенство окончательно лишилось прав по управлению церковным имуществом³⁰. Декретом ВЦИК от 12 июня 1920 года была введена обязательная «регистрация» всех религиозных общин. Общины, не получившие разрешение на свое существование от местных органов власти, ставились вне закона. Так как Церкви оказалась отделенной от государства, а государство присвоило себе право на церковные здания и на все имущество Церкви, объявив его всенародным достоянием, религиозным общинам теперь требовалось заключать договора на право пользования зданием и всей церковной утварью. Делалось это так. Сначала группа верующих, не менее двадцати человек, просила о регистрации в горисполкоме (или райисполкоме, если регистрировалась сельская церковь) своей религиозной общины. Все члены этой группы должны были заполнить на себя анкеты. Если члены «двадцатки» устраивали исполнительную власть, то составлялся типовой договор о передаче здания храма группе верующих, и им выдавали свидетельство о регистрации. Основным содержанием договора являлись обязательства религиозной общины по содержанию храмового здания и церковного имущества, за которые они несли материальную ответственность, и обещания, что все переданное им будет использовано исключительно для удовлетворения религиозных потребностей и не будет использовано против советской власти или отдельных ее представителей³¹. Таким образом, единственным правомочным органом, имеющим право получать от государства в аренду храмовое здание и прочее церковное имущество, была объявлена «двадцатка» мирян.

Советская власть начала перепись храмов, инвентарную опись их имущества, ставила вопрос о «возможной утилизации церквей»³².

20 апреля 1920 года вышел приказ Томского уездного революционного комитета № 102, постановившего все существующие до настоящего времени в правительственных и общественных учреждениях домовые церкви закрыть (их было более двадцати).

Из документов Государственного архива Томской области (ГАТО Ф. 430. Оп. 1. Д. 181) известно, что в 1919—1920 годах были закрыты следующие домовые церкви:

1. Домовая церковь при бывшем Архиерейском доме.
2. Церковь при тюрьме № 1.
3. Церковь при тюрьме № 2 (сносена).
4. Церковь при тюрьме № 3.
5. Церковь при больнице.
6. Церковь при бывшем военном лазарете.
7. Церковь при бывшем Владимирском приюте.
8. Церковь при бывшей мужской гимназии.
9. Церковь при женской гимназии.
10. Церковь при университете.
11. Церковь при факультетских клиниках.
12. Церковь при Учительском институте.
13. Церковь при бывшем Духовном училище.
14. Церковь при бывшей Духовной семинарии.
15. Церковь при бывшем старом Епархиальном училище.
16. Церковь при новом Епархиальном училище.
17. Часовня на Архимандритской заимке (Белобородово).
18. Часовня на даче «Ключи».
19. Часовня на даче бывшего купца Фуксмана (Степановка).
20. Часовня на спичфабрике бывшего купца Кухтерина.
21. Часовня в психбольнице.

В мае 1920 года ректором Томского университета профессором А. П. Поспеловым был возбужден вопрос об оставлении при университете домовая церковь. Однако ходатайство ректора, как противоречащее смыслу декрета об отделении Церкви от государства и школы от Церкви, было отклонено³³.

При изъятии церковного имущества Владимирской домовой церкви при детском приюте был выселен и священник из причтового дома³⁴.

Ярским волостным исполнительным комитетом была разрушена часовня, поставленная на месте сгоревшего храма в селе Ярское³⁵.

Постановлением Томского губернского революционного комитета от 30 сентября 1920 года была закрыта приходская церковь на спичфабрике «Заря». И хотя губюстотдел просил фабричный комитет все богослужбное имущество закрытой церкви перенести в склад воскового отдела Совета народного хозяйства и принять самые тщательные меры к сохранению имущества в целостности³⁶, ничего из богатого имущества церкви, построенной в

1908 году купцами Кухтеринными для своих рабочих, не сохранилось. Храмовое здание было возвращено верующим только в 1993 году, когда оно уже находилось в полуразрушенном состоянии.

Газета «Знамя революции» за 23 мая 1920 года печатает постановление губревкома о переименовании улиц. Улицам стали давать революционные названия. Духовская улица была переименована в улицу К. Маркса, Соборная площадь в площадь Революции, Монастырский переулок в переулок Плеханова и так далее.

В июле 1920 года была проведена национализация всех кладбищ, принадлежащих церквям и монастырям всех верований и вероисповеданий³⁷.

В августе была ликвидирована сельхозартель «Труд и братство», находящаяся на заимке Архимандритской, так как она состояла из монашествующих мужского монастыря и до сих пор «сохраняла связь с монастырем, являясь по существу религиозной общиной». Весь «живой и мертвый» инвентарь артели, все жилые и хозяйственные постройки, произведенные посевы, снятый урожай сена, запасы продовольствия и фуража, упряжь и другие принадлежности хозяйства передали совхозу № 6. Всех трудоспособных членов артели в порядке трудовой мобилизации отправили работать рабочими в этот же совхоз³⁸.

Решением волостного исполнительного комитета села Богородское были выселены из церковного дома для причта священник и псаломщик. Дом передали под канцелярию и общежитие милиции четвертого района Томского уезда³⁹. В это время отбиралось все, что понравится. Юрьевский волысполком Мариинского уезда ходатайствует о разрешении на реквизицию пианино у местного священника с. Боготол Аркадия Коронатова, «без которого их народный дом не мог существовать»⁴⁰.

Однако советское правительство еще встречало сопротивление на свои действия против Церкви среди простых людей. Например, в селе Инкино священнику предложили освободить дом под школу, а он отказался. Сход постановил дом священника оставить в его распоряжении. При этом мужики чуть не побили секретаря исполкома. Пришлось Нарымскому райисполкому «командировать товарища ликвидировать этот инцидент»⁴¹. А в поселке Юрга на общем собрании Юргинского общества потребителей народ пожертвовал 1000 рублей на строительство церкви⁴². Из сводки начальника милиции 3-го районного Управления Томской уездной милиции мы узнаем о недовольстве крестьян исклю-

чением из школьной программы предмета «Закон Божий». Крестьяне спрашивали местных учителей, почему запретили в школе преподавание «Закона Божия»: «Это коммунисты не признают Бога, говорили они, а им нужен "Закон Божий", так как они веруют в Бога»⁴³.

Священнослужители в 1921 году еще как-то приспособлялись к новому большевистскому правительству. Даже имели некоторую смелость, чувствуя значительную поддержку со стороны верующих, и проявляли некоторую активность. Однако Губчека обращали внимание на жизнь Церкви и замечали всякую активность со стороны священнослужителей. Можно привести два меморандума Томского губчека, составленные в декабре 1921 г.

Меморандум № 15 от 1-го декабря 1921 г.

«После докладов и диспута на религиозную тему г. Ярославского (Губельмана Миния Израильевича), православное духовенство сильно встревожено. В каждой церкви после окончания богослужения священники говорят проповеди, которые призывают народ не верить безбожникам коммунистам. Кроме того, лучшие силы духовенства брошены на агитационную борьбу по религиозным вопросам. Для этого устраиваются доклады и лекции, которыми стараются внушить слушателям, что тов. Ярославский — безбожник и лжец, и призывают граждан не верить таким людям, как тов. Ярославский. Подобными лекторами выступали следующие: священники Иван Диванов, Петр Блинов, Галяхов (бывший профессор) и Александр Карелин (бывший священник) и другие, которых имена еще не выяснены. Посещаемость каждой лекции выражается цифрой 200—300 человек, с возражениями из числа присутствующих никто не выступает.

За последнее время епархиальным правлением по всем благочиниям Томской и Ново-Николаевской губерний выпускаются в большом количестве воззвания к крестьянству с призывом идти на богословские курсы, которые открываются в г. Томске с 14 декабря 1921 г.

Во всякой переписке духовенство применяет время исчисления по старому стилю.

По настоянию Епископа Виктора, во многих церквях гор. Томска преподаются уроки Закона Божия детям, посещаемость этих уроков пока не выяснена.

Епископ Виктор настойчиво требует от священников уездов Томской губернии обязательное преподавание уроков Закона Божия, причем каждый священник обязан пе-

риодически давать отчет об исполнении им распоряжения Епископа Виктора».

На меморандум дана следующая разработка:

«За лекциями и докладами духовенства ведется агентурное наблюдение»⁴⁴.

Через несколько дней появляется новый меморандум:

«Из наблюдений за последнее время за православным духовенством установлено, что попы чувствуют себя за последнее время более свободно, развязнее. Новый Епископ Виктор оживил жизнь епархиального управления, под его непосредственным руководством с 1-го декабря (стар. с.) открываются в Томске курсы по подготовке сельских священников.

Духовенство реально действует на массы, главным образом крестьянские, и под их диктовку крестьяне выносят резолюции об обязательном преподавании Закона Божьего для детей-учеников.

Используя момент голода Поволжья, они приняли большое участие в агитации на пожертвования в пользу голодающих. Причем в проповедях подвергают как главную причину голода — бедствие народа из-за его неверия в Бога, который и наказывает.

В этих же проповедях в искусно подобранных выражениях можно прочесть между строк определенную агитацию против коммунистов, как их и называют даже лже-пророками, которые все стирают на своем пути и ведут народ к гибели. «А посему братья православные не верьте им и гоните их от себя, как борются с ними святые отцы». Или такие выражения: «что вот коммунисты не веруют в Бога и говорят, что Бога нет, а Он дает знать о Себе, вот вам доказательство — голод в Поволжье, где люди забыли Бога, и Бог их наказывает».

Разработка:

«Ведется дальнейшее наблюдение за духовенством через осведомительный аппарат на предмет выявления их систематических приемов похода против коммунистов, и при появлении таких явлений активные влиятельные элементы будут изъяты»⁴⁵.

Трудно предположить, какое время существовали курсы по подготовке священнослужителей, однако в обвинительном заключении по делу протоиерея Иоанна Алексеевича Ливанова есть сведение, что он являлся преподавателем пастырских курсов в 1924 году⁴⁶. А в деле Алексея Владимировича Киселева из деревни Гусева Кривошеинского района есть сведение о том, что в

феврале 1931 года он выехал в Томск на священнические курсы, в феврале же вернулся с назначением на должность священника и через два месяца был арестован за попытку создания церковной общины⁴⁷.

В 1920 году еще оставались выходными днями, кроме воскресных дней, религиозные праздники: Рождество — 2 дня, Пасха — 2 дня, Духов день — 1 день, Благовещение — 1 день, Преображение — 1 день, Вознесение — 1 день, Успение — 1 день и Крещение — 1 день. Для лиц неправославного вероисповедания предоставлялись другие выходные дни из расчета не более 10 дней в году⁴⁸.

ИЗЪЯТИЕ ЦЕРКОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Первая Мировая война, революция и непрекращающаяся гражданская война разрушили экономику и сельское хозяйство России. Люди изнемогали от непосильных налогов, продналогов, продразверсток, самообложений и др. В довершение всех бед, обрушившихся на Россию, летом 1921 года в Поволжье, Приуралье, на Кавказе, в Крыму, на юге Украины разразилась жестокая засуха. В 34 губерниях России царил голод, к маю 1922 года голодало уже 20 млн человек, около миллиона скончалось, 2 млн детей осталось сиротами. Церковь не могла не откликнуться на людскую горе. Патриарх Тихон обратился к своей пастве, к Восточным Патриархам, к папе Римскому и к другим зарубежным епископам с посланием, в котором призывал провести сбор продовольствия и денег для оказания помощи голодающим. 21 июля 1921 года под председательством Патриарха Тихона был организован «Всероссийский комитет помощи голодающим» (Помгол). Помгол распределял помощь голодающим, в том числе и ту, что поступала из-за рубежа. Священнослужители начали сбор пожертвований среди своей паствы. Но 27 августа ВЦИК своим декретом распустил этот комитет и конфисковал собранные средства. Была запрещена всякая самостоятельная деятельность служителей Церкви по сбору пожертвований. Вместо Помгола стала действовать государственная Центральная комиссия помощи голодающим при ВЦИКе. В декабре эта комиссия обратилась к Пат-

риарху с призывом к пожертвованию ценностей, принадлежащих Церкви, на нужды голодающих. Патриарх Тихон 19 февраля 1922 года писал, что «мы нашли возможным разрешить церковно-приходским общинам жертвовать на нужды голодающих драгоценные церковные украшения и предметы, не имеющие богослужебного употребления, — о чем и оповестили православное население»⁴⁹. Тем не менее 23 февраля 1922 года Президиум ВЦИК издал Декрет об *обязательном* изъятии *всех* церковных ценностей. Началось изъятие священных сосудов и других богослужебных предметов. На этот декрет Патриарх Тихон ответил, «что подобный акт является актом святотатства и Мы священным нашим долгом почли выяснить взгляд Церкви на этот акт, а также оповестить о сем верных чад наших. Мы допустили, ввиду чрезвычайно тяжких обстоятельств, возможность пожертвования церковных предметов, не освященных и не имеющих богослужебного употребления. Мы призываем верующих чад Церкви и ныне к таковым пожертвованиям, лишь одного желая, чтобы эти пожертвования были откликом любящего сердца на нужды ближнего, *лишь бы они действительно оказывали реальную помощь страждущим братьям нашим*. Но Мы не можем одобрить изъятия из храмов, хотя бы и через добровольное пожертвование, священных предметов, употребление коих не для богослужебных целей воспрещается канонами Вселенской церкви и карается Ею как святотатство — миряне отлучением от Нее, священнослужители — извержением из сана (73-е правило Апостольское, 10-е правило Двукратного Вселенского Собора)»⁵⁰. В другом указе Патриарх Тихон пишет: «Мы с гневом отвергаем и караем отлучением от Церкви даже добровольное пожертвование священных риз и чаш: важно не что давать, *а кому давать*... Мы разрешаем отдавать только лом и подвески с образом...»⁵¹. Патриарх хорошо осознавал, что отобранные церковные ценности скорее всего не пойдут на спасение голодающих. В то же время он очень беспокоился, что невосполнимо будут утрачены сокровища старины⁵².

То, что акция по изъятию церковных ценностей была направлена не на спасение голодающих, теперь стало известно из секретного письма председателя Совнаркома В. И. Ленина В. М. Молотову от 19 марта 1922 года:

«...Именно теперь и только теперь, когда в голодных местах едят людей и на дорогах валяются сотни, если не

тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятия церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией, не останавливаясь перед давлением какого угодно сопротивления. Нам во что бы то ни стало необходимо провести изъятие церковных ценностей самым решительным и самым быстрым образом, чем мы можем обеспечить себе фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей... Поэтому я прихожу к безусловному выводу, что мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий... Чем больше число представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели думать»⁵³.

По всей стране начались процессы, на которых священнослужители и миряне обвинялись в сопротивлении проведению в жизнь декрета об изъятии церковных ценностей.

В Томске до марта 1922 года почти в каждом номере газеты «Красное Знамя» печатаются сообщения о кошмарном голоде в Поволжье, об эпидемии тифа в самом Томске. Приводятся сведения о пожертвованиях. Нагнетается мнение, что Томское священство тоже должно сдавать церковные ценности. 13 марта газета сообщает о «небывалом митинге» в Томском дворце труда тысяч верующих, которые требуют передачи драгоценностей голодающим: «Выступает Макаренко. По мере выступления, аудитория приходит в неопишное волнение... многие плачут, стыдливо вытирая глаза, женщины рыдают навзрыд. От духовенства трибуну занимает о. Макарий Торопов — призывает отдавать церковные ценности: «Мать съедает дитя, слышите, православные, то дитя, которое она носила под сердцем"... Потом снова Макаренко. Он сообщает, что в России 52 тысячи церквей, 418 монастырей мужских и 406 женских, они имеют несметные богатства, они должны спасти Поволжье. Зачитывается резолюция. "За" — лес рук и все дружно запели: "Смело, товарищи, в ногу..."». После митинга, «шипя выползают из зала многотысячного собрания темные элементы... Сзади выплывают собачьи шеи...» и подпись «Око».

14 марта 1922 года выступил епископ Томский Виктор (Богоявленский). Он разрешил сдачу всех, не используемых в бого-

служении, ценностей⁵⁴. 20 марта 1922 года было принято Постановление Совета градо-Томской Иоанно-Лествичнической церкви (настоятель о. Петр Блинов) о передаче в пользу голодающих серебряного сосуда, лжицы, звездицы, дискоса, одной тарелочки, одного большого креста и одного малого⁵⁵.

На закрытом заседании президиума губкома от 28 марта 1922 года председателем комиссии по изъятию ценностей был назначен председатель Томского губисполкома Н. П. Теплов⁵⁶. 2 апреля Теплов вызвал к себе епископа Виктора по вопросу об изъятии ценностей у Церкви. 5 апреля 1922 года в Троицком соборе приступили к изъятию «части народного состояния, переданного во временное пользование верующим» и сообщили, что «комиссии натолкнулись на срыв работы»⁵⁷. В то же время настоятель собора профессор богословия Томского университета протоиерей Яков Яковлевич Галахов рассказывал позже: «Декрет стал нам известен только 4 апреля, а инструкцию не зачитали, когда начали изъятие ценностей с собора». В томской газете «Красное знамя» начинают печатать Бюллетени по изъятию церковных ценностей.

Бюллетень № 1⁵⁸

Из Кафедрального собора изъяли:
золотой крест весом 149 золотн. с камнями (бриллиантов 126, изумрудов 110),
две покрывки с Евангелия, первая 17 фунтов 77 золотн., вторая — 5 фунтов 12 золотн.,
сосуд потир с прибором, весом 7 фунт. 40 золотн.,
серебряные дикирии и трикирии,
4 панагии,
посох серебряный,
блюдо и кувшин серебряные (умывальник),
2 серебряных блюдечка.

Из Крестовоздвиженской церкви Архиерейского дома изъято:
6 серебряных крестов,
три потира — 1 большого размера и 2 малых,
2 лжицы,
2 звездицы,
3 дискоса, 2 серебряных тарелочки,
6 серебряных ковшичков для тепла,
серебряный ковчег,
сломанная 3-местн. лампада,
серебряный поднос,
панагия с камнями,

Евангелие большого размера и 2 малых в серебряных обложках.

Из Иоанно-Предтеченского монастыря изъято:
3 потира, 1 большой и 2 малых с прибором,
2 ковшичка,
3 звездицы,
3 лжицы,
3 дискоса,
6 тарелочек, серебряное блюдо и стаканчик (бокал),
3 серебряных больших креста и 2 — средних,
3 дарохранительницы (большого размера, малого и среднего),
3 серебряных крышки с Евангелий (Евангелия взяты из крышек игуменьей монастыря лично, изъяты только одни крышки),
2 серебряных кадила,
серебряные дикирии и трикирии,
4 серебряных лампы.

Из каменной синагоги изъято:
10 досок скрижалей завета,
6 указателей,
1 бокал,
2 серебряные стоянки,
1 серебряная корона.

Из синагоги второго прихода:
1 серебряная корона.

Из синагоги третьего прихода:
4 серебряные короны,
2 серебряных подсвечника,
3 указателя,
4 доски скрижалей завета,
1 серебряная кружка,
1 серебряный бокал.

Подпись: Председатель
комиссии,
член ВЦИКА Н. Теплов

Бюллетень № 2⁵⁹

Из Иоанно-Предтеченской церкви изъято:
2 малых серебряных креста,
1 большой серебряный крест,
1 потир с прибором,
1 серебряное кадио.

В отношении серебряных риз на 2 иконах приходской совет во главе с настоятелем П. Блиновым обязуется доставить после Пасхи.

Из Петропавловской церкви изъято:

3 больших креста,
1 большой потир,
дискос,
звезда,
ковш,
лжица — серебряные.

Настоятель Н. Климов обязуется после Пасхи доставить ризы с икон.

Из Троицкой церкви изъято:

1 большое Евангелие,
1 большой крест, весом 1 фунт 33 зол.,
3 малых потира, 2 из них с полным прибором,
серебряный трехсвечник,
серебряное кадило.

Настоятель иерей Васильев обязуется доставить после Пасхи ризы с икон.

Из Преображенской церкви изъято:

1 дарохранильница серебряная,
3 креста — серебряные,
1 потир с прибором,
5 серебряных лампад,
1 серебряное кадило,
1 Евангелие с серебряными крышками.

12 апреля опубликован Бюллетень № 3⁶⁰ об изъятии церковных ценностей из Благовещенского собора, Алексеевского мужского монастыря и Никольской церкви. 13 апреля «Красное знамя» сообщает, что в Кафедральном соборе профессор Я. Я. Галахов, настоятель церкви и член приходского совета Беликов заявили, что они отдадут ценности только подчиняясь вооруженной силе и насилию. В Богоявленской церкви «священник Лебедев держал себя так, как будто сам Бог дал ему инструкцию убивать голодающих...». И тут же сообщение о митинге в 400 человек на станции Томск II — «Трудящиеся Томска требуют изъятия драгоценностей». Бюллетень № 4 сообщал об изъятии церковных ценностей из Духосошественской и Воскресенской церквей. Следующий бюллетень № 5⁶¹ сообщает об изъятии ценностей из Николаевской церкви на станции Томск II, Сретенской, Знаменской, Богоявленской, Вознесенской кладбищенской и старообрядческой Успенской церквей. Похвалили священника Евгения

Удинцева, который с честью справился со своей задачей, присутствовал во все время изъятия ценностей в синагоге. «Красное знамя» за 25 апреля сообщает первые итоги изъятия:

Кафедральный собор	37 фунт. 91 золотн. 6 ден.
Крестовоздвиженская церковь	37 фунт. 18 золотн.
Иоанно-Предтеченский жен. м.	64 фунт. 27 золотн. 72 ден.
Иоанна-Лествичника церковь	5 фунт. 76 золотн.
Петропавловская церковь	8 фунт. 53 золотн. 48 ден.
Троицкая церковь	16 фунт. 42 золотн. 48 ден.
Преображенская церковь	26 фунт. 92 золотн. 72 ден.
Благовещенский собор	30 фунт. 33 золотн.
Алексеевский муж. монастырь	39 фунт. 31 золотн.
Никольская церковь	24 фунт. 54 золотн.
Духосошественская церковь	21 фунт. 11 золотн.
Воскресенская церковь	33 фунт. 76 золотн.
Богоявленская церковь	34 фунт. 18 золотн. 24 ден.
Вознесенская церковь	53 фунт. 75 золотн.
Успенская (старообрядческая)	1 фунт. 84 золотн. 84 ден.
Николаевская ж.д. церковь	4 фунт. 11 золотн. 72 ден.
Сретенская церковь	6 фунт. 95 золотн. 48 ден.
Знаменская церковь	21 фунт. 37 золотн. 12 ден.
Римская католическая	1 фунт. 67 золотн. 48 ден.
Синагоги	31 фунт. 71 золотн. 72 ден.
ИТОГО:	12 пуд. 22 фунт. 13 золотн. 6 ден.

8 мая газета «Красное знамя» сообщает, что еще 22 пуда изъяли ценностей в Томске. Губернской комиссией по изъятию церковных ценностей было предложено всем религиозным общинам сдать серебряные ризы с икон после Пасхальной недели (т.е. на Фоминой неделе) в Томский губфинотдел. После чего комиссия должна была проверить на месте, согласно описей правильность сдачи...

До 5 мая сдали следующие церкви:

Иоанно-Лествичника	2 ризы	весом 2 фунта 59 з.
Духосошественская	51 ризу	весом 4 пуда 7 ф. 7 з.
Знаменская	9 риз	весом 1 пуд 16 ф. 28 з.
Благовещенская	22 ризы	весом 2 пуда 9 ф. 61 з.
Женский монастырь	25 риз	весом 1 пуд 28 ф. 61 з.
Сретенская	12 риз	весом 35 ф. 74 з.
Никольская	20 риз	весом 4 пуда 11 ф. 8 з.
Воскресенская	14 риз	весом 3 пуда 38 ф. 51 з.
Богоявленская	12 риз	весом 2 пуда 13 ф. 26 з.
Мужской монастырь	17 риз	весом 3 пуда 12 ф. 53 з.

Раздели и обезобразили 184 иконы. Все, с такой любовью изготовленные русскими талантами произведения искусства измеряются в пудах, фунтах и пр.

ИТОГО изъяли: 22 пуда 17 фунтов 80 золотн. (359 кг).

В женском монастыре из ризы иконы св. Иннокентия Иркутского вынута 27 маленьких бриллиантов, 66 (?), 2 альмандина, 1 гранат. На иконе Благовещения изъято 2 бриллианта и 90 алмазов, на иконе Тихона — 14 мелких бриллиантов.

Епископ Виктор призывает священников говорить о голоде и призывает жертвовать. Газеты его саркастически высмеивают, что наконец-то он раскочался, что уже почти год, как все граждане Советской России узнали о том, что поля Поволжья выжжены солнцем... А по церквям продолжают выбирать все, что удаётся. Тут же ругают священника Преображенского храма о. Николая Климова за то, что он отказался дать ключи от ларя, что стоял в алтаре, и сказал, что там его личные вещи, которые он прячет от советской власти, а ключ у больного о. Сиротинского.

Передовица газеты «Красное знамя» № 98 за 9 мая «Черносотенная клика» продолжает ругать Церковь, которая не только не хочет молиться о власти (советской), но и «прямо подрывает дело помощи голодающим...». Сообщается, что в Калуге изъято 580 пудов серебряных и золотых изделий, в Вятке — 219 пудов, в Воронеже — 168 и т. д. Не щадит газета и сторонника обновленцев епископа Гавриила (Воеводина): «...Забитое, жалкое и бесхарактерное существо — таково первое впечатление при взгляде на епископа Гавриила. Невольно возникает вопрос — неужели за этим духовным убожеством идут верующие, имеющие здоровую голову на плечах... Эта безвольная фигурка, нервно заерзав на стуле, забегав глазками, скороговоркой со словами "...прости-те Бога ради..." начал излагать, что на сей предмет он, видите ли, своего взгляда не имеет, что с точки зрения церковного писания и психологии верующих это весьма тяжелая операция (изъятие ценностей)... в головы верующих не укладывается, что из священных сосудов будут перелиты портсигары... Прямой противоположностью епископу Гавриилу является профессор Галахов — настоятель собора... Держится настороже, он объясняет, что изъятие церковных ценностей производилось в III веке по Р. Х., при епископе Иакове принудительным путем, второй раз в VII веке с согласия епископа Ираклия и третий раз в начале XVII века, ког-

да ценности были сданы добровольно Троице-Сергиевой лаврой (на уплату жалования казакам)... Пассивность Томского духовенства он объясняет неполучением директив от своей церковной власти...»⁶².

В газете за 13 мая извещается, что в Томске изъято уже 40 пудов ценностей (из доклада тов. Теплова пленуму Томского губисполкома). Закрытое заседание президиума Томского губкома от 21 мая 1922 г. постановило принять все меры, чтобы кампания по изъятию церковных ценностей была завершена к 1 июня.

В каждом номере газеты «Красное знамя» стыдят, ругают, чернят Церковь: «Епископ Макарий (Невский) — организовал черную сотню, которая подожгла Королевский театр», «протоиерей Климов во времена колчаковской реакции образовал войско "Святого креста" и призывал с оружием в руках идти против большевиков», «лжепророки», «кому нужна церковь», припоминают, что Церковь повинна в убийстве комиссара Кривоносенко, когда тот приехал за хлебом в женский монастырь, клеймят контрреволюционные выступления Патриарха Тихона и об «обманах» при вскрытии мощей. 22 мая сообщают в передовице, что «54 человека — Московских духовных пастырей разного калибра предстанут перед судом ревтрибунала», сообщают, что Патриарх Тихон арестован и предстанет перед судом.

27 мая 1922 года «Красное знамя» на первой странице помещает статью: «Попы и капиталисты перед судом ревтрибунала», в ней сообщение от Томского губюста о том, что профессор Галахов, настоятель Кафедрального собора, находящегося на площади Революции, церковный староста Наумов, врач Беликов, гражданин Лебедев обнаружили попытку не подчиниться комиссии по изъятию церковных ценностей, вступили в излишние бесцельные контрреволюционные пререкания об отсрочке сдачи некоторых ценных предметов религиозного культа... Кроме того, в этом же соборе с июля 1921 года находились на хранении церковные ценности домового церкви Университета. Заключение — арестовать всех... Подпись: Томский губернский отдел юстиции. В этом же номере другая статья — «К процессу профессора Галахова и других»: «Томгубюст раскрыло явную попытку контрреволюционных действий Томского духовенства оказать противодействие изъятию церковных ценностей и тем самым вызвать проявление открытого враждебного отношения к советской власти. Верный оплот династии Романовых, преданнейшие служи-

тели Деникина, Юденича... создавшие для поддержания Колчака дружины Креста и полумесяца... Ревтрибунал, как орган диктатуры пролетариата, должен беспощадно всех покарать...»⁶³.

31 мая газета сообщает, что в Томске есть и честные священники: протоиерей Воскресенской церкви Федор Смиренский, священник Вознесенской церкви Евгений Удинцев и священник Духосошестввенской церкви Иван Завадовский (все из обновленческого направления) — они честно отдали ценности. 3 июня она пишет, что священник Завадовский из Духосошестввенской церкви принес еще что-то из утаенного.

В конце мая арестовали и епископа Виктора, и предали суду ревтрибунала. Отныне все последующие номера газеты «Красное знамя» будут муссировать вопрос о контрреволюционном священстве. Передовица за 8 июня называется: «Контрреволюция под церковным флагом» — о суде над епископом Виктором и «его приспешниках». 7 июня газета сообщает, что в Знаменской церкви была устроена враждебная демонстрация толпой кликуш во время работы комиссии... Настоятель храма протоиерей Василий Юрьев сказал, что «это мы не можем сдать, просим оставить»... Поведение комиссии было корректным, они удалились, отдав категорическое распоряжение сдать ризы. Протоиерею В. Юрьеву предъявляется обвинение: «срыв дела помощи голодающим». Протоиерею Константину Лебедеву, настоятелю Богоявленской церкви, тоже предъявляется обвинение: «активное противодействие изъятию ценностей». На допросе он заявил: «У меня нет уверенности, что соввласть употребит все изъятые в пользу голодающих, так как доверять всем, стоящим у власти, я не могу...», что «священные сосуды не могут использоваться на сторонние цели... мне было больно видеть, что к сосудам будут прикасаться неосвященными руками»⁶⁴.

В каждом номере местной газеты сообщается о суде над церковниками, обещают, что суд будет не над верой Православной, что глубоко верующие должны с доверием отнестись к суду. 15 июля «Красное знамя» № 154 пишет: «На скамье подсудимых сидят князья церкви, открыто выступившие против изъятия ценностей. Каждый труженик еще раз увидит лицо контрреволюции под церковным флагом, а трибунал воздаст им по заслугам. Сегодня начался суд над Томским духовенством во главе с епископом Виктором, обвиняемым в тягчайшем преступлении против трудящихся масс Советской России... под-

лость их действий...» и все в таком же духе. 17 июля 1922 года обнародован список всех арестованных по «Делу томских церковников»:

Богоявленский Всеволод Семенович, Лебедев Константин Владимирович	он же епископ Виктор, протоиерей, настоятель Богоявленской церкви,
Никольский Александр Иванович	протоиерей, настоятель Преображенской церкви,
Хитровский Михаил Яковлевич	настоятель Никольской церкви и личный секретарь епископа Виктора,
Галахов Яков Яковлевич	протоиерей, настоятель кафедрального собора, бывший профессор богословия Томского университета,
Климов Николай Степанович	протоиерей, настоятель Петропавловской церкви,
Попов Илья Константинович	он же архимандрит Иракий, наместник мужского монастыря,
Беневоленский Александр Иванович	протоиерей, ключарь Нового собора,
Юрьев Василий Павлович	протоиерей, настоятель Знаменской церкви,
Попов Вячеслав Вячеславович	священник Богоявленской церкви и жилищинспектор,
Стацевич Борис Семенович	священник ст. Юрга и ст. Тутальск,
Никольский Павел Васильевич	священник в с. Тисуль Мариинского уезда,
Такжин Николай Викторович	педагог, бывший стат. советник, член приходского совета Богоявленской церкви,
Беликов Степан Иванович	врач, бывший преподаватель университета, член приходского совета Троицкой церкви,
Лебедев Павел Александрович	портной, член приходского совета Кафедрального собора,
Бухтияров Николай Михайлович	67 лет, торговец, домовладелец, владелец кошмо-варной мастерской,

Нестеров Платон Гаврилович	староста Знаменской церкви, 58 лет, домовладелец, бывший рыботорговец, староста Богоявленской церкви,
Наумов Михаил Федорович	47 лет, бывший приказчик старого кафедрального собора,
Рудик Иван Валерианович	48 лет, домовладелец, служащий кожзавода № 2,
Крычев Сергей Васильевич	52 года, из крестьян, член приходского совета Тутальской церкви,
Сетин Ефим Алексеевич	52 года, из крестьян, член приходского совета Тутальской церкви,
Вахромеев Александр Прокопьевич	69 лет, крестьянин из села Тутальского,
Ганьшина Елена Федоровна	34 года, крестьянка из села Тутальского,
Зевакин Федор Поликарпович	62 года, крестьянин из села Тутальского,
Зевакина Анна Дмитриевна	50 лет, крестьянка из села Тутальского,
Зевакина Агафья Ниловна	крестьянка из села Тутальского,
Боянова Екатерина Семеновна	30 лет, крестьянка из села Тутальского,
Кабанова Марианна Ивановна	45 лет, крестьянка из села Тутальского,
Дворников Федор Иванович	60 лет, крестьянин, староста церкви села Тисуль,
Токарев Иван Федорович	53 года, диакон церкви в с. Тисуль,
Анфилагов Дмитрий Федорович	56 лет, крестьянин, член приходского совета Тисульской церкви,
Лекуб Мария Давыдовна	44 года, бывшая дворянка,
Казаков Иван Степанович	52 года, домовладелец, служащий лесопильного завода.

Обвинительное заключение очень длинное и неосновательное. Сообщается, что «революция перестроила всю жизнь на новых началах, изменила прежнее положение классов общества и

тем самым вызвала борьбу против себя контрреволюции, явной и тайной, со стороны прежних привилегированных классов, лишенных революцией своих преимуществ. В лагере контрреволюции оказалось духовенство так называемой православной церкви... В пределах Томской губернии Управляющий Томской епархией Виктор, в миру гр. Богоявленский Всеволод, контрреволюционную линию поведения, по указанию Патриарха Тихона, проводил с самого появления своего во главе Томской епархии с июня 1921 года. Получив высшее духовное образование в Петрограде (Духовную академию), гр. Богоявленский до 1920 года состоял чиновником царизма, дослужился до генеральского чина на полицейской педагогической должности. При Колчаке продолжал свою карьеру на этом поприще и в конце 1920 года пошел по пути духовной карьеры, пополнив ряды контрреволюционеров среди духовенства высших кругов. Приехав в Томск по назначению Патриарха Тихона, вопреки декрету об избрании духовенства верующими, Богоявленский, под именем епископа Виктора, осуществляет здесь, по приказаниям свыше, обход декрета об отделении церкви от государства. Он присвоил себе право назначения, смещения и увольнения членов Епархиального управления, настоятелей церквей, членов причта, производя это помимо воли и желания верующих, руководствуясь только своими контрреволюционными симпатиями. Духовенство либеральное, стремящееся к реформе церкви в духе современности, преследуется епископом Виктором...». Всем арестованным было предъявлено весьма серьезное обвинение в том, что «...исполняя исходящее от Патриарха Тихона послание, в качестве директив центра контрреволюционной организации духовенства, так называемой православной церкви, — они, по предварительному между собой соглашению, с контрреволюционной целью срыва помощи голодающим Поволжья умышленно злобно оказывали противодействие органам власти при изъятии церковных ценностей в апреле, мае 1922 года по городу Томску и Томской губернии, скрывая разными способами ценности храмов, и агитацией, и непосредственным участием возбуждали население к массовым волнениям и к невыдаче ценностей в явный ущерб диктатуре рабочего класса и пролетарской революции»⁶⁵. Далее перечисляются кадровые перестановки, проводимые епископом Виктором, связанные исключительно с расколом в Церкви, но никоим образом не связанные с изъятием церковных ценностей. Врача Беликова обвиняют в

том, что он называл изъятие ценностей «обиранием» и «обдиранием». Подсудимые из Кафедрального собора обвиняются в том, что только в начале мая было комиссией обнаружено, что в ризницах собора с июля месяца 1921 года хранится утварь бывшей домово́й церкви университета, именно 3 комплекта сосудов, 3 серебряных копия, 2 креста, 2 Евангелия, серебряная дарохранительница, а это было скрыто. Скрыто было от губисполкома, что престол в Соборе серебряный. Протоиерей Константин Лебедев, настоятель Богоявленской церкви, протестовал против изъятия сосудов, основываясь на 73-м апостольском правиле, гласящем, что всякое изъятие сосудов на сторонние цели является святотатством, то есть кражей святых предметов (рассматривается как оскорбление комиссии).

Конечно, ошеломленное священство делало отчаянные попытки спасти хотя бы крохи. С разрешения о. Константина Лебедева, священник Вячеслав Попов прячет у себя на квартире 17 предметов разного рода церковной утвари (около 14 фунтов серебра). При обыске это было обнаружено. Выяснилось, что К. Лебедев скрыл от изъятия утварь домово́й церкви 2-й мужской гимназии в количестве 16 предметов и 2 серебряных предмета, принадлежавших ранее бывшей военной церкви (хранилось в Богоявленской церкви после закрытия домовых церквей). Протоиерей Михаил Хитровский пытался скрыть от изъятия серебряный крест. Епископ Виктор и архимандрит Иракий пытались скрыть от изъятия (не значащиеся по описи) 7 икон в серебряных ризах и 5 риз домово́й церкви при бывшей семинарии. Все эти предметы были розданы на хранение через Марию Ляуб по частным квартирам (иконы найдены при обыске). Прятали от губкома в продовольственной кладовой мужского монастыря 14 рублей серебряными монетами и 5 серебряных крестов (обнаружено при обыске). Настоятель архиерейской церкви протоиерей Путодиев, как обнаружилось губотделом ГПУ, не предъявил губкомиссии церковной серебряной утвари весом в 7 фунтов. Как тяжкое преступление рассматривалось и то, что «добрая» комиссия разрешила сдать ризы с икон после Пасхи, а церковники не спешили их сдавать. К 30 апреля только три церкви сдали ризы, а остальные не исполнили своих обязательств. Было установлено, что протоиерей К. Лебедев не сдал 3 риз с «особо чтимых икон». Настоятель Петропавловской церкви священник Николай Климов не сдал 26 риз, настоятель Никольской церкви протоиерей

Михаил Хитровский не сдал 13 риз. Наместник монастыря архимандрит Иракий не сдал 2 ризы. Настоятель Знаменской церкви протоиерей Василий Юрьев не сдал 6 риз. ...В городе Мариинске ценности удалось изъять только после того, как церковь окружили войсками ГПУ и ЧОН, причем была скрыта опись и инвентарная книга, 11 серебряных риз с икон, 19 икон было найдено на хорах летней церкви... А в селе Тутальском 31 мая толпа не впустила уполномоченного по изъятию церковных ценностей. Комиссия вынуждена была произвести изъятие только 6 июня под охраной вооруженного отряда. А гр. Хрычев Сергей вступил в спор с комиссией и говорил ей, что «отобрали хлеб и картофель и сгноили, теперь приехали церковь обирать»... Вахрамеев Александр кричал: «Все ограбили, теперь грабите церковь» и призвал толпу не пускать комиссию в церковь... Помощник церковного старосты Сетин Ефим «бросил на землю ключи от храма, отказываясь открыть храм для комиссии», а Вахрамеев поднял ключи и унес домой, заявив, что возьмут ключи, когда его расстреляют... Кабанова кричала: «Пусть расстреляют, но не дадим, постоем за Бога и веру»... Зевакина Анна тоже призывала не впускать комиссию в церковь... Сетин Ефим просил разрешить им заменить церковные ценности хлебом для голодающих. Далее в приговоре читаем, что епископ Виктор признался, что Патриарх Тихон его земляк и старый знакомый... Обвиняли всех по статьям 62, 63, 69 и 119 Уголовного кодекса. Несмотря на недоказанность состава преступления, 9 человек из 33 были приговорены к расстрелу: епископ Виктор (Богоявленский) и священники Лебедев, Никольский, Хитровский, Галахов, Климов, Попов, Стацевич, Такжин. Остальные — к разным срокам заключения. Томский историк Н.М. Дмитриенко в статье «Дело томских церковников 1922 г.» отмечает, что приговор был настолько суров, настолько не подтверждался фактами, что (осужденным) не стоило большого труда составить кассационную жалобу (6 октября 1922 года) в Сибирский отдел Верховного трибунала. Авторы апелляции опровергли один из главных пунктов обвинения: «Если церковь, — писали они, — есть сообщество контрреволюционное и преступное, то каждый член его самим вхождением в него является ответственным по ст. 62 и на скамье подсудимых должны быть ... все священники России и все миряне-церковники». Анализируя «Дело», Н. М. Дмитриенко отмечает, что в нем «нет показаний о контрреволюционной деятельности, нет никаких ре-

чей, агитации, воззваний, а напротив, есть факты призыва к оказанию помощи голодающим».

31 октября — 3 ноября состоялись заседания выездной сессии судебной коллегии Сибирского отдела Верховного трибунала. Заслушали новых свидетелей, которые подтверждали заявления обвиняемых об их лояльном отношении к советской власти. Решением нового судебного заседания к смертной казни были приговорены епископ Виктор, протоиерей Константин Лебедев и священник церкви в селе Тутальском Б.С. Стацевич. Это решение, однако, не было единогласным. Член суда Т. Карелов высказал особое мнение, что «присуждение гражданина Стацевича к смертной казни не соответствует действиям виновности его...».

В день вынесения приговора, 4 ноября 1922 года, в Томск пришла телеграмма, подписанная секретарем ВЦИК А. Енукидзе: «Президиум ВЦИК предлагает исполнение смертного приговора над осужденным Константином Лебедевым зпт Виктором Богоявленским зпт Борисом Стацевичем немедленно приостановить тчк Исполнение решения телеграфировать». На заседании Президиума ВЦИК 2 марта 1923 года высшая мера наказания 3 томским священникам заменена 10 годами лишения свободы, еще через полгода наказание сократили до 6 лет, затем до 5 лет. Эти сроки были, видимо, тоже отменены, по крайней мере, епископ Виктор в 1924 году был уже на свободе и управлял Нижне-Удинской епархией. Смягчение, а в ряде случаев и отмену наказания, получили и другие обвиняемые. Трое умерли в тюрьме: врач Беликов, Н.М. Бухтияров от брюшного тифа и диакон И. Ф. Токарев от туберкулеза гортани.

Так был проведен судебный процесс по делу об изъятии церковных ценностей в Томске. Не знали тогда ни священнослужители, ни миряне о секретном письме Ленина, но с каким бесстрашием защищали они церковное имущество, накопленное подчас в некоторых церквях за сотни лет. И не было ни у кого сомнения, что это *святотатство*, и многим сердце подсказывало, что не на спасение голодающих пойдут церковные ценности. Полным ходом шло ограбление и разорение церквей по Томской губернии. Промелькнуло газетное сообщение «Берегите памятники старины» — сообщалось, что во время изъятия церковных ценностей в селе Уртаме в церкви были обнаружены предметы глубокой старины — несколько редких изданий и оловянный потир, которым больше 220 лет (времен Софьи Алексеевны 1682—

1689)⁶⁶. Сколько бесценных, изделий древней старины погибло во время этой вакханалии?.. Всего по стране было награблено 33 пуда золота, 24000 пудов серебра и несколько тысяч драгоценных камней⁶⁷.

ОБНОВЛЕНЧЕСКИЙ РАСКОЛ

Новосибирский церковный историк протоиерей Виталий Бочкарев⁶⁸ считает, что необходимость ареста епископа Виктора и членов епархиального совета органами советской власти была вызвана их намерением осуществить *обновленческий* раскол. После изоляции священников, верных Патриарху Тихону, от дел управления епархией, стало возможно создание церковного управления из числа священников-обновленцев, послушных Томскому губкому. Вскрывая истинных вдохновителей и организаторов обновленческого раскола в Томске, о. Виталий Бочкарев в своей публикации «История обновленческого церковного раскола в Западной Сибири» пишет: «14 июня 1922 г. в секретном докладе секретарю Томского губкома РКП(б) Строгонову председатель Томского губревтрибунала Макаренко сообщал о своей деятельности по выполнению "секретного распоряжения о разложении томского духовенства". Еще в начале мая, т. е. до захвата власти обновленцами в Москве, Макаренко вошел в связь с настроенными оппозиционно по отношению к управляющему Томской епархией епископу Виктору (Богоявленскому) священниками: Блиновым, Тороповым, Авдентовым (все они впоследствии стали обновленческими архиереями)...»⁶⁹.

Началась травля епископа Виктора и сторонников Патриаршей Церкви.

«Красное знамя» (№ 97 от 6 мая 1923 года) радостно сообщает: «Тихон — уже *не Тихон*», «Бывший Патриарх объявлен отступником от заветов Христа и лишен монашеского сана», «Все-российский церковный Собор отменил Патриаршество», «Собор желает Ленину скорейшего выздоровления», «...перед Собором стоит обязанность впервые в истории заклеить капитал, а коммунистов, не знающих Христа, благословить Его именем... ибо творят Христову истину».

6 мая 1922 года томская газета «Красное знамя» (№ 96) опубликовала большую статью «К истории церковной революции». В статье говорилось о нападках на Томского епископа Виктора за то, что он является ставленником епископа Анатолия (Каменского), прислан в Томск для насаждения истинно русского православия, что он с «первых шагов своей деятельности здесь (в Томске) занялся разрушением так хорошо начавшей налаживаться работы Томского духовенства по обновлению и оживлению церковной жизни. Наскоро покончив с наилучшими представителями русского епископата, епископом Гавриилом, простым изгнанием его из монастыря и разгромом долгие годы и с любовью создававшейся им своеобразной общинной церковной жизни, епископ Виктор принялся за рядовое духовенство и церковные общины...»

В той же газете «Красное знамя» (№ 98 за 9 мая) помещена статья «Интересные документы» (из жизни Томского духовенства): «Владыко! Я вам зла не желаю, кроме единого добра, поэтому и решилась вам написать. При архиерейской церкви в общине есть баба Егорова, которая распространяет про вас по городу слухи, что вы хулиган, топаете ногами и гоните попов в шею, и в этом духе послана на вас жалоба Патриарху и, кажется, принимал участие Путодиев и благочинный Лебедев, которые хотят видеть опять на старом месте епископа Гавриила» (подпись неразборчива). Почему такое анонимное письмо передано через газету и почему газета его публикует, остается только домысливать. И далее льется грязь на владыку: «Выгнал в шею ходатаев за священника Торопова», «отсутствие евангельского образа в походе, во взгляде и в одежде у епископа и курение им табаку...», «...превращение храмов и алтаря в склад частного имущества и политических брошюр». К «честным священникам» в Томске относят обновленцев протоиерея Федора Смиренского, Евгения Удинцева, Макария Торопова.

Пресса подготавливает читателей к церковной революции. Постоянно перепечатываются сведения о расколе из центральных газет, клеймят «контрреволюционера» Патриарха Тихона. Почти в каждом номере что-нибудь о «расколе православной церкви», о «новой церкви», о «единственно правильном пути», «чем была церковь при царизме», о «контрреволюции под церковным флагом» и т. д.

В 1919 году Преосвященного Виктора рукоположили в епископа Барнаульского, викария Томского. Викарные епископы с титулом Барнаульский проживали в Томске, помогая в управлении обширной епархией, и являлись священно-архимандритами Томского Богородице-Алексиевского мужского монастыря. С уходом в 1921 году митрополита Иакова (Пятницкого) на покой, на Томскую кафедру был назначен епископ Андрей (Ухтомский). Однако последний на Томскую кафедру не прибыл, и управляющим епархией становится епископ Виктор. Ему первому пришлось повести борьбу с начавшим появляться весной 1922 года обновленческим движением. Не очень ясно, в каком качестве появился весной 1922 года в Томске епископ Гавриил (Воеводин), до 1919 года бывший епископом Барнаульским, викарием Томской епархии (возможно, он вновь стал епископом Барнаульским, викарием Томским). Он явно находился в оппозиции епископу Виктору и был сторонником обновленческого движения. С другой стороны, несмотря на свой архиерейский сан, епископ Гавриил лидером этого движения в Томске фактически не стал.

Начавшееся дело «по изъятию церковных ценностей» создало благоприятную почву для раскола, о чем сообщала и газета: «Кампания по изъятию еще дала и политический результат, в виде наблюдающегося раскола среди духовенства, часть которого вместе с прихожанами встала в оппозицию к своим руководящим сферам»⁷⁰. Епископа Виктора и членов епархиального совета арестовали за сокрытие церковных ценностей. Теперь они уже не могли помешать раскольнической деятельности обновленцев.

Предвидя свой арест, Епископ Виктор 19 мая 1922 года послал сообщение своему викарию епископу Иннокентию (Соколову), проживающему в Бийске, и поручил ему временное управление епархией с момента своего ареста⁷¹. Однако узурпация церковной власти проходила столь быстро, что епископу Иннокентию не была дана возможность возглавить епархию.

Для работы по организации церковной революции в Томске на закрытое заседание президиума Томского губкома РКП (б) 31 мая 1922 года был приглашен о. Петр Блинов. Он выступил с докладом о положении среди местного духовенства и просил разрешения на созыв собрания томского духовенства для избрания Временного церковного управления (ВЦУ)⁷².

1 июня 1922 года в градо-Томской Никольской церкви состоялось первое собрание инициативной группы духовенства и

мирян в количестве 23 человек, на котором горячо обсуждался вопрос о создавшемся положении Православной Церкви вообще и Томской епархии в частности. На следующий день, 2 июня, состоялось повторное собрание в Никольской церкви, но уже с участием представителя власти Макаренко. Он указал, что позиция верховного духовенства все еще враждебна по отношению к советской власти и активно контрреволюционна. Автор газетной заметки об этом собрании пишет, что слова Макаренко «точно расплавленный свинец насквозь прожигали мозги слушателей». Доклад длился 2 часа, стояла мертвая тишина. Во Временное Церковное управление по Томской епархии (епархиальный совет) большинством голосов были выбраны священники Блинов, Удинцев, Авдентов и миряне А. П. Таловских и Г. И. Салодилин. Председателем ВЦУ избрали Блинова. Новое Церковное управление возглавило Томскую епархию⁷³.

Пока епископ Виктор со священниками находились на скамье подсудимых, протоиерей Петр Блинов начал делать «первые шаги» в управлении Томской епархией. Устранил иеромонаха Геронтия, благочинного 1 округа (ставленника епископа Виктора), вместо него назначил священника Артоболевского. «Привел в порядок» архиерейскую канцелярию, жаловался, что часть дел запрятана иеромонахом Геронтием и протоиереем Ландышевым, что исчезла печать епархиального управления⁷⁴. Новое ВЦУ, 9 июня переименованное в Сибирское церковное управление (СибЦУ), призвало всех неслужащих священников в обновленческую церковь⁷⁵. Было сделано обращение к верующим, в котором утверждалось, что никакого переворота в Церкви не произошло, что произошло только лишь устранение Патриарха Тихона⁷⁶.

Из «обвинительного заключения» по делу об изъятии ценностей видна слаженность действий правительства, суда и прессы. Епископ Виктор был обвинен в «преследовании» настоятеля Преображенской церкви Торопова, в том, что он назвал его «еретиком» за вводимые им реформы, а просителей за Торопова унизил и выдворил из покоев. Сообщается, что при обыске у священника Лебедева была найдена копия рапорта епископа Виктора Патриарху Тихону о «безобразиях» протоиерея Макария Торопова, настоятеля Преображенской церкви, которого он был вынужден запретить за новшества в служении вплоть до раскаяния. Протоиерей Макарий Торопов не подчинился епископу Виктору

и решил захватить Преображенскую церковь. Владыку обвинили в том, что священник церкви Иоанна Лествичника Петр Блинов под его угрозами о запрещении в священнослужении должен был отказаться от реформ Богослужения в духе современности. Его обвинили и в том, что он угрожал запретом в священнослужении священнику Николаю Васильеву, настоятелю церкви женского монастыря, за отправление треб вне монастыря. Также обвинили в том, что контрреволюционное духовенство он, напротив, возвышает: назначил Николая Климова, уличенного в хранении антисоветской церковной литературы, сокрытой в храме вместе с золотом, серебром и товарами разного рода, не младшим священником, а настоятелем Петропавловской церкви. А священника Лебедева, члена епархиального управления, назначил настоятелем Преображенской церкви вместо Торопова, несмотря на протесты прихожан и т. д.⁷⁷

Сторонники Патриарха Тихона сидели на скамье подсудимых и уже не могли препятствовать работе обновленцев. Власть же наоборот приветствовала опубликование больших статей-материалов с Первого Всероссийского съезда «Живой церкви», проходившего в августе 1922 года в Москве. Эти материалы публикуются и на первой странице органа Томского губисполкома и губкома газеты «Красное знамя». Постоянно перепечатываются сведения о расколе из центральных газет, клеймят «контрреволюционера» Патриарха Тихона. Так 10 августа 1922 года в газете «Красное знамя» (№ 176) помещается статья «В обновляемой церкви», в которой написано, что уездные города Сибири один за другим присоединяются к Сибирскому церковному обновленческому движению. Сообщается, что в городах Щегловске, Новониколаевске, Семипалатинске, Бийске, Томске организованы уже новые церковные управления. В Сибирь поступают запросы с епархий и приходов относительно дальнейшего информирования, указаний и распоряжений. К Сибирскому обновленческому движению всецело присоединился и епископ Бийский Иннокентий. В Бийске, согласно полученной Сибирской телеграмме, новое церковное управление подготавливает съезд духовенства и мирян, организует общепархиальную помощь голодающим. Епископ Иннокентий ходатайствует перед Сибирской церковью о выделении из Томской епархии Бийского округа в самостоятельную епархию. С другой стороны, «...в епархиях, где засели князья-епископы из черного духовенства, замечается полная духовная

спячка. Из Красноярска, например, миряне шлют запросы о новом движении, а духовенство в течение вот уже 2-х месяцев молчит и ничем не проявляет себя. Как видно, по старой вековой привычке все еще ждут оберпрокурорского толчка или Петровской дубинки» (подпись. — М. Т.)⁷⁸.

Всероссийский съезд «Живой церкви», проходивший в Москве в августе 1922 года, принял директивы о *насильственных мерах* в борьбе с Патриаршей Церковью. 21 августа томская газета «Красное знамя» публикует статью «Съезд о монашестве», в которой ораторы отмечают пагубное влияние монашества на все направления Православной Церкви. В газете написано, что так как «рыба гниет с головы», то и возрождение Церкви надо начинать со строгой чистки среди ее князей и всех монашествующих. Поднимается вопрос о вступлении в брак овдовевших священников и о допущении женатого епископата. Здесь же статья о необходимости уничтожения монастырей. Съездом «Живой церкви» принята резолюция: все городские монастыри, мужские и женские, закрыть и обратить в приходские храмы. Находящиеся при городах или при станциях железных дорог монастырские подворья и часовни передать в ведение ВЦУ и епархиальных управлений для образования фонда единой церковной кассы. Сельские монастыри было решено преобразовывать в трудовые братства, соответствующие нормальному уставу сельскохозяйственных коммун и производственных коопераций, или во врачебные пункты с обязательством для монашества обучения правилам санитарии и гигиены. Также возможно и преобразование монастырей в приюты и дома призрения для инвалидов войны и труда, для престарелого духовенства и, по мере возможности, для прочих граждан. Всем монашествующим священнослужителям предоставляется право свободного сложения монашеских обетов при сохранении своего священнического сана.

Съезд постановил единогласно издать распоряжение по всем церквам о прекращении «поминовения о здравии» бывшего Патриарха Тихона, как «оставившего» свой пост. Кроме того, постановили выступить группе «Живая церковь» на предстоящем соборе с требованием лишения священнического сана «бывшего» Патриарха Тихона, как виновного в церковной разрухе. Съезд постановил ВЦУ уволить тех монашествующих епископов, которые открыто выступили против обновления Церкви. Заботился

съезд и о привлечении колеблющегося сельского духовенства в обновленческую церковь⁷⁹.

Решения такого съезда не только приветствовалось руководящей властью, но и уже задолго до съезда выполнялось в Томской губернии. Мужской Алексиевский монастырь доживал свое последнее время. Монахи, жившие на Архимандритской заимке, еще ранее преобразованной в сельхозартель «Труд и братство», были разогнаны в августе 1920 года. Женский монастырь, который и до обновленческого съезда содержал больницу, школу и приют для детей-сирот, в 1922 году был закрыт.

Нелегко было и мирянам, которые были прихожанами конкретных церквей по территориальному признаку. Теперь они, сбитые с толку, должны были разбираться в *ориентациях* церквей и их *каноничности*. К концу 1922 года абсолютное большинство церквей в Томске стали обновленческими. Верные Патриарху Тихону епископ Виктор, настоятель Богоявленской церкви протоиерей К. В. Лебедев, священник той же церкви В. В. Попов, настоятель Преображенской церкви протоиерей А. И. Никольский, настоятель Никольской церкви протоиерей М. Я. Хитровский, настоятель Кафедрального собора протоиерей Я. Я. Галахов и ключарь собора протоиерей А. И. Беневоленский, настоятель Петропавловской церкви священник Н. С. Климов, наместник мужского монастыря архимандрит Иракий (Попов), настоятель Знаменской церкви протоиерей В. П. Юрьев — все были арестованы. Уже 6 сентября 1922 года «Красное знамя» (№ 197) торжественно сообщает, что «церковная революция в Томске и Томской губернии идет вперед большими шагами, с каждым днем подхватывая своими волнами все новые массы верующих. Всюду в губернии происходят перевыборы благочинных и благочиннических советов, причем на смену закоренелых в старине и не способных понять духа времени отцов идет молодое прогрессивное духовенство. Всюду избираются приходские советы, из которых выметаются те верующие, которые вместе с Патриархом Тихоном никак не могут, — или просто не хотят, — понять, что дело церкви — вера, а не политика». В «Красном знамени» (№ 208 за 19 сентября) сообщается, что «крупным приобретением для Томской церковной революции является вступление в ряды ее борцов Новониколаевского (Новосибирского) епископа Софрония (Арефьева)», приглашенного и уже прибывшего на Томскую кафедру. Новый Томский епископ Софроний в заседании Томско-

го церковного управления определенно заявил о своей лояльности к советской власти и о том, что он признает справедливость российской социалистической революции. Высшее Церковное управление в Москве и Сибирское Церковное управление в Томске епископ Софроний считает каноничным. Он приступил к работе в качестве председателя Томского Церковного управления, и его имя стали почитать за церковным богослужением как имя архипастыря Томской церкви. Газета уверяет, что «деревня приветствует церковную революцию». В этом же номере сообщается, что 17 и 18 сентября на собрании прибывших в Томск представителей сельского духовенства и мирян Томской губернии были заслушаны доклады Председателя Сибирской Церкви священника Петра Блинова и Председателя Томского Церковного управления епископа Софрония о новом церковном движении, и, что «делегаты всецело присоединились к новому церковному движению». Действительно, сельские приходы подчинились СибЦУ. «На протяжении пяти лет после революции Церковь в Сибири лишь эпизодически управлялась Патриархом Тихоном и Священным Синодом: гражданская война и последующая разруха мешали контактам с Москвой. Поэтому в глубинке привыкли, что самая высокая духовная власть, с которой тоже иногда было трудно поддерживать связь, находится в епархиальном центре. И вот теперь сельский священник слышит, что в епархию назначен новый архиерей (а то, что архиерея может назначить вовсе не патриарх, для сельского священника привычно: так уже было при Колчаке, когда Томский Сибирский собор учредил Высшее временное церковное управление), признано еще какое-то ВЦУ, находящееся в Москве, будут проводиться какие-то реформы. ...Сельский батюшка сообщал в губернский город о признании обновленчества, но служил, как и прежде, без всяких новшеств, просто поминал за богослужением другого архиерея»⁸⁰. 21 сентября в постоянной рубрике газеты «Красное знамя» (№ 210) «В обновленческой церкви» сообщается, что «Совещание делегатов Томской, Новониколаевской и Красноярской епархий из духовенства и мирян единогласно вынесло резолюцию, в которой благодарят советскую власть за предоставленное право — свободно собираться и обсуждать церковные вопросы» на приходских, благочиннических и епархиальных съездах и собраниях, благодарят и приветствуют за выход первого номера журнала «Сибирская Церковь».

В конце сентября 1922 года в Томске состоялись первые хиротонии обновленческих епископов Иоанна Завадовского в епископа Барнаульского и Николая Чижова во епископа Иркутского. И Завадовский, и Чижов были, видимо, вдовыми⁸¹, но их хиротонии не предварялись монашеским постригом, что было отступлением от многовекового обычая⁸². Эти хиротонии были совершены епископами Софронием (Арефьевым) и Гавриилом (Воеводиным)⁸³.

2 октября открылся Всесибирский съезд группы «Живая Церковь», в котором приняли участие духовенство и миряне⁸⁴. 6 октября «Красное знамя» сообщает, что согласно постановлению Всесибирского съезда «Живая Церковь», председатель Сибирского Церковного управления протоиерей Петр Блинов возводится в сан епископа Томского и Сибирского. «Хиротония будет совершена в воскресенье 8 октября в Благовещенском соборе епископами Иоанном Барнаульским и Николаем Иркутским. Протоиерей Петр Блинов будет первым у нас епископом, возведенным в этот сан из женатых священников».

А. Левитин-Краснов и В. Шавров в кн. «Очерки по истории русской церковной смуты» (М., 1996. С. 186 – 187) так характеризуют П. Ф. Блинова: «Коренной сибиряк, уроженец Томской губернии, Петр Федорович был сыном местного крестьянина охотника. Впоследствии, будучи обновленческим митрополитом, он любил вспоминать о том, как он ходил, бывало, в 12 лет с отцом на медведя. Вскоре, однако, пределы родной деревни становятся для него тесными — смысленный беспокойный паренек отправляется бродить по Сибири. Затем он попадает в один из сибирских монастырей и в течение двух лет живет здесь послушником. Интерес к религии, который ему был свойствен с детства, становится еще более сильным. Уйдя из монастыря, Петр Блинов продолжает свою кочевую жизнь: старообрядцы различных толков, сектанты, странники попадают к нему на пути. Наконец 25 лет от роду возвращается он в свой родной Томск, женится и экстерном кончает местную Духовную семинарию, которая доживает последние месяцы перед закрытием».

В 1919 году епископ Виктор рукополагает его в священники церкви Иоанна Лествичника. Молодой священник сразу становится популярной фигурой среди верующих людей города Томска. Богатырь ростом, кряжистый и плечистый, о. Петр обращал на себя внимание даже своим внешним видом. Он был незаурядным человеком во всех отношениях: талантливый самоучка-самородок, он попол-

нял недостаток систематического образования чтением, обильным запасом жизненных наблюдений, почерпнутым им во время его скитаний. Его проповеди и духовные беседы, оригинальные и талантливые, привлекали огромное количество слушателей, людям нравилось также его внимание к простому народу. Характерно, например, что впоследствии, будучи уже архиереем, он, благословляя народ, говорил каждому индивидуальное поучение, например: "Господь да благословит всю вашу жизнь, пусть она будет чистой, как родниковая вода, светлой, как день, ясной, как солнце", всегда все экспромтом и всегда умно и оригинально».

Жаль, что ссылки на первоисточник такой характеристики о. Петра Блинова в книге не приводятся и имеется немало неточностей. Например, Петр Блинов был рукоположен не в 1919 году, а 24 апреля 1916 году, и не владыкой Виктором, который тогда еще епископом не был, а епископом Томским Анатолием Каменским⁸⁵. Не соответствуют действительности и описание хиротонии Блинова во епископы. Хиротония проходила в Благовещенском соборе, а не в маленькой церквушке Иоанна Лествичника, и архиепископ-рenegат Зосима Красноярский (Александр Сидоровский) не участвовал в его хиротонии.

На Томской кафедре епископ Сибирский Петр был всего один месяц и уехал возглавлять Новосибирскую епархию. Позже он стал именоваться «митрополитом Тобольским и всея Сибири», в мае 1923 года он стал председателем обновленческого Поместного собора и вместе с «митрополитом» Антонином Грановским возвел в сан «митрополита» в Москве в храме Христа Спасителя Александра Введенского. 4 мая особая комиссия во главе с Петром Блиновым вручила грамоту узнику Патриарху Тихону о лишении его сана, приняла активное участие в травле Патриарха, уличая его в «контрреволюционных» действиях.

Введение женатого епископата было одним из решений обновленческого Всероссийского съезда белого духовенства в августе 1922 года в Москве. Это решение стало одной из причин «раскола в расколе». Обновленческий «первоиерарх» Антонин (Грановский) и ряд других членов съезда, возмущенные столь радикальными, даже по их мнению, нововведениями, вошли в оппозицию к «Живой Церкви» и образовали свою группировку «Церковное возрождение»⁸⁶.

Были рукоположены в епископы и другие женатые священники из Томского духовенства: священник Богоявленской церк-

ви Александр Авдентов был рукоположен 22 октября 1922 года во епископа Красноярского⁸⁷, 15 ноября 1922 года протоиерей Макарий Торопов, бывший настоятель Преображенской церкви, — во епископа Змеиногорского (Томского викария)⁸⁸, протоиерей Сергей Дмитриевский стал епископом Томским, священник Александр Введенский II — епископом Алтайским⁸⁹.

В октябре 1922 года в Новониколаевске, узнав о хиротонии женатого священника Петра Блинова, на губернском съезде духовенства решили прекратить каноническое общение с СибЦУ и отказались признать его высшим церковным органом Сибири. Было решено учредить Сибирскую митрополию для объединения сибирских епархий. В качестве высшего церковного органа было создано Временное церковное управление под председательством епископа Софрония (Арефьева)⁹⁰. В свою очередь, Сибирское Церковное управление отправило на покой епископа Омского Димитрия, епископа Новониколаевского Софрония, епископа Бийского Иннокентия и епископа Гавриила (Воеводина) — настоятеля Томского мужского монастыря⁹¹. Теперь и в Сибири произошел «раскол в расколе», что и нужно было советской власти.

Недолго просуществовала Сибирская митрополия. Советская власть не захотела поддерживать «Церковное возрождение», в которое вошла «самая реакционная часть духовенства с принципами тихоновщины». В декабре 1922 г. «за мошенничество и помощь контрреволюционерам»⁹² был арестован епископ Софроний.

В начале февраля 1923 года в Бийское УУАЛТГОГПУ пришла телеграмма из Алтгуботдела ГПУ:

Ввиду того, что Бийская епархия намерена отколоться от СибЦУ, возглавляется реакционным епископом Иннокентием, ведущим травлю против «Живой Церкви»:

Алтгуботдел настоящим предлагает изолировать Бийского епископа Иннокентия, для каковой цели подберите юридическое основание, что послужит целью воспрепятствования откола последней от СибЦУ.

Арестованного Иннокентия направить Алтгуботдел ГПУ.
Основание: почто-телеграмма ППГПУ Сибири № 490/с⁹³.

Епископ Иннокентий был арестован, его обвинили в призывах к свержению советской власти⁹⁴.

После ареста епископа Софрония, «...СибЦУ было переведено в Новониколаевск, поближе к своему истинному руководя-

щему органу — Сиббюро ЦК РКП(б). Решением СибЦУ епископ Петр Блинов был назначен митрополитом Сибирским»⁹⁵.

За управление взяли молодые епископы. А в газетах с сарказмом подчеркивается: «Обновленчество не спасет церковь» — журналистам это очевидно.

Совершенно несвоевременная церковная революция не могла не веселить прессу. В одном из последующих номеров в большой статье «Новая церковь» газета высмеивала все непрекращающийся раскол Церкви и делала заключение: «Бога нет!»⁹⁶.

Обновленцы, казалось, одержали безусловную победу в Томске. Но какой ценой? Это был пир во время чумы. 33 человека священнослужителей, церковнослужителей и мирян в это время боролись за отмену смертных приговоров и сокращение сроков только в одном судебном процессе в Томске. А сколько их было по стране! И не могли не знать о них вновь испеченные обновленческие епископы.

Расцвет «обновленческой» церкви в Томске продержался всего один год, несмотря на продолжавшуюся поддержку и внимание со стороны Томского губотдела ОГПУ.

25 июня 1923 года был освобожден из заключения Патриарх Тихон. Он сразу объявил о восприятии своих святительских полномочий и приступил к исполнению своих пастырских обязанностей. Патриарх обратился к Церкви с посланием, осуждающим обновленческое движение. Это послужило толчком к массовому возвращению в Церковь священнослужителей из обновленческого раскола. Многие видные иерархи принесли свое покаяние. Принес покаяние митрополит Сергей (Страгородский). Принесли покаяние в обновленческом расколе епископ Гавриил (Воеводин)⁹⁷ и епископ Софроний (Арефьев)⁹⁸. Возвращение Патриарха Тихона к церковному управлению было тяжелым ударом для обновленчества, от которого оно никогда уже не смогло оправиться.

В Томске одним из лидеров Патриаршей Церкви был протоиерей Иоанн Ливанов, (с 1931 года — епископ Уссурийский с именем Тарасий, с 1932 года — епископ Бийский, в 1933 году — расстрелян). Из «Дела» Ливанова видно, как обновленчество теряет своих сторонников среди верующих. 14 июля 1924 года на Ливанова составлен «меморандум» № 1 для ОГПУ.

Содержание меморандума:

«С приездом из Москвы с Всероссийского церковного совещания протоиерея Ливанова, Тихоновское движение в городе Томске приняло крупные размеры. Четыре церковных совета перешли на сторону Тихона. Ожидается переход еще 4–5 приходов. Томский Епархиальный Совет в лице Сергея Дмитриевского в панике. Обновленцы имеют мало надежды удержать группы верующих от перехода к тихоновщине. Во главе Тихоновского движения стоит указанный выше Ливанов. Последний устраивает нелегальные собрания духовенства и мирян с целью вооружения против обновленцев, называя их прихвостнями Советской власти.

Бывший Омский архиепископ Дмитрий Беликов (Тихоновец), проживающий в городе Томске, получив от Тихона грамоту на право вступления в обязанности Томского архиепископа, первоначально отказывался приступить к своим обязанностям, ссылаясь на престарелый возраст, но под влиянием Ливанова приступил к службе.

Ливанов в 1906–07 гг. состоял в Омске в противосектантском миссионерском обществе и в 1912–19 гг. состоял председателем миссионерского братства Димитрия Ростовского в Томске.

Разработка:

ГОО ГПУ полагал бы протоиерея Ливанова немедленно изолировать из г. Томска, как бывшего миссионера, мотивируя его изоляцию устройством нелегальных собраний духовенства и мирян города Томска»⁹⁹.

Ливанова арестовали. В санкции на арест прокурор пишет, что «принимая во внимание, что обвинение, предъявленное Ливанову по статье 72 УК вполне доказано, полагал бы дознание по делу № 130 считать законченным, и, принимая во внимание, что дело Ливанова не подлежит гласному суду в виду того, что есть показание архиепископа Томского Сергея Дмитриевского, про которого Тихоновцы распространяют слухи, что он, Дмитриевский, доносит на Тихоновское духовенство в ОГПУ, считал бы необходимым такое направить в коллегия Объединенного Государственного Политического управления на предмет применить к Ливанову административную высылку».

Основным вопросом на допросе был: «Были ли у него на квартире собрания священников после его возвращения из Москвы?» Ливанов отвечал, что собраний не было, что заходили как-то братья Тихоновы, Луканин, был Ландышев. Еще к нему заходил некто Сидоров, просил духовного руководства, но так как у него нет времени, то он просил священника Ландышева, а тот

прислал записку: «Дорогой отец протоиерей Иван Алексеевич, поведение Сидорова считаю очень сомнительным, не попадите в капкан провокации».

Есть в деле и показание Дмитриевского от 17 июля 1924 года о том, что Ливанов дружил с купцом Петром Родюковым, что «ест хорошо... а вот Блинов ест черный хлеб» и, что «по личным настроениям в отношении советской власти Ливанов не примирим, в силу того ...что один его брат расстрелян».

Приведем и обвинительное заключение:

Ливанов — ярый сторонник Патриарха Тихона и непримиримый противник советской власти и ВКП(б), свою контрреволюционную деятельность проявлял с 1919 года, то есть со времени царствования колчаковщины, когда он являлся Председателем Совета епархиального миссионерского «Братства святителя Димитрия Ростовского» в Томске. ...Так, при церковном перевороте в 1922 году, Ливанов уклонялся от работы в Обновленческом Церковном Управлении города Томска, куда был избран духовенством и мирянами Томской губернии, а наоборот, сразу же повел агитацию против обновленчества со священниками Тихоновым Александром, Красиным Леонидом и др. Своей пропагандой Ливанов тормозил церковное движение, обострял религиозные массы против советской власти. Орудием борьбы его являлось изъятие церковных ценностей и т. д., за что Ливанов был арестован ТОМ ГОО ГПУ 10 ноября 1922 года и сидел до 15 декабря 1922 года, был освобожден под подписку о невыезде из Томска. После освобождения Ливанов не прекратил своей контрреволюционной деятельности, а остался продолжать и более углублять ее. Являясь преподавателем пастырских курсов в г. Томске в 1924 году и настоятелем Сретенской церкви, он все время вел свою пропаганду против советской власти, изъятия ценностей и обновленческого течения. Он сказал: «Сибирское Церковное Управление — самозванцы, насильники, намеренно и предательски упрятали епископа Виктора и лучших священников, чтобы беспрепятственно творить свои темные дела. Председатель и организатор Церковного Управления Блинов с сентября прошлого года состоит сотрудником ГПУ, о чем все знают. Он, Блинов, с кровавым и ненавистным для Томска Макаренко (Председателем Ревтрибунала) и ренегатом попом Макеевым (Зав. Губюста) соорудили пресловутое Церковное Управление». В Сретенской церкви он говорил: «Не думайте, православные, что церковь продана, если она и молится за правительство, то она и ранее молилась за своих гонителей, например за Цезаря, но Царство Божие с усилием берется и напрягающий уси-

лия обрящет его». Ливанов во время пребывания Колчака в Сибири организовал так называемое «Братство святителя Димитрия Ростовского», носившего контрреволюционный характер...»¹⁰⁰

Протоиерей Иван Алексеевич Ливанов себя виновным не признал. Его осудили на 3 года концлагерей и отправили на Соловки¹⁰¹.

Вообще в Томске обновленческая церковь просуществовала до 1937 года благодаря усилиям высокообразованного и талантливого Сергея Дмитриевского. В 1937 году его тоже расстреляли¹⁰².

РАСКОЛ СТАРОЦЕРКОВНИКОВ

В 1927 году томские «староцерковники» признали высшей Церковной властью коллегию епископов, образовавших Временный высший церковный совет (ВВЦС), и по имени лидера этого движения их стали именовать «григорианцами». В 1928 году Временным Патриаршим Синодом (митрополитом Сергием) на Томскую кафедру был назначен епископ Герман Кокель, находившийся здесь в ссылке, и некоторая часть староцерковников примкнула к нему. Таким образом, православно-верующие христиане в Томске разделились на три основные течения: сторонников митрополита Сергия, сторонников ВВЦС и обновленцев. С 1927 по 1940-й год большинство верующих в Томске принадлежали течению ВВЦС, т. е. григорианцам.

Что же привело к этому расколу староцерковников?

12 апреля 1925 года после торжественного погребения Святейшего Патриарха Тихона в Донском монастыре было оглашено распоряжение Патриарха Тихона о порядке местоблюстительства (т.е. временного исполнения патриарших обязанностей). Во главе Русской Церкви стал митрополит Петр (Полянский). Он оказался тем камнем, о который разбились надежды обновленцев. Обновленцы в это время настойчиво проводили ложную мысль, будто единственной причиной раскола была личность почившего Патриарха и что после его смерти не осталось никаких оснований для разделения. На что митрополит Петр твердо отвечал, что истинная Церковь едина, а обновленцы должны принести покаяние в своих заблуждениях. Тогда на Патриаршего Мес-

тоблостителя обрушился поток клеветы и доносов. ГПУ также начинает активнее принимать меры против митрополита Петра. Все переговоры митрополита Петра с начальником секретного (церковного) отдела ОГПУ Е. А. Тучковым об урегулировании положения Православной церкви в Советском Союзе, о легализации Церкви, о регистрации ВЦУ и епархиальных управлений наткнулись на требование сотрудничества с советской властью, выведения за штат неугодных властям архиереев. Требовалось осудить заграничных епископов и поддерживать тесный контакт с ГПУ в лице Тучкова. Ни одно из этих требований митрополит Петр выполнить не мог, и 10 декабря 1925 года его и группу близких ему епископов арестовали. Предвидя свой арест, Митрополит Петр назначил себе трех заместителей местоблюстителя Патриаршего престола, одним из которых был митрополит Нижегородский Сергей (Страгородский).

14 декабря 1925 года митрополит Сергей уведомил письмом vicария Московской епархии епископа Клиновского Гавриила (Красновского) о своем вступлении в исполнение обязанностей Патриаршего Местоблюстителя. Однако до апреля 1927 года митрополит Сергей был лишен возможности выехать в Москву из Нижнего Новгорода.

22 декабря 1925 года в Донском монастыре под председательством архиепископа Екатеринбургского Григория (Яцковского) состоялось совещание десяти архиереев, не желавших единоличной власти местоблюстителей. Они воспользовались невозможностью митрополита Сергия прибыть в Москву и образовали Временный высший церковный совет (ВВЦС). Участники совещания обратились к всероссийской пастве с посланием, в котором информировали о создании Временного высшего церковного совета для ведения текущих дел Русской Православной Церкви и для подготовки канонически правильного Собора. Вскоре ВВЦС смог получить легализацию своего учреждения в НКВД, чему, несомненно, способствовал Тучков и его помощники, подыгрывавшие новому расколу церкви изнутри.

Митрополит Сергей решительно протестовал против организации ВВЦС. Архиепископ Григорий в ответ обстоятельно изложил свою позицию, защищая правомочность ВВЦС, и предложил даже митрополиту Сергию возглавить его. Митрополит Сергей не принял позицию архиепископа Григория, запретил его и сторонников ВВЦС в священнослужении и объявил о предании

их церковному суду. Тогда сторонники ВВЦС обратились к митрополиту Петру с просьбой утвердить совет и аннулировать полномочия митрополита Сергия, который, по их мнению, не мог прибыть для управления Церковью в Москву.

19 января 1926 года группе архиереев во главе с архиепископом Григорием разрешили встретиться в тюрьме с митрополитом Петром. Они убедили местоблюстителя передать временно управление Церковью ВВЦС. Митрополит Петр издал новое распоряжение, в котором поручил исполнение обязанностей Патриаршего местоблюстителя коллегии из трех архиереев: архиепископов Владимирского Николая, Томского Димитрия и Екатеринбургского Григория.

В европейской части России большинство архиереев поддерживали сторону митрополита Сергия, авторитет которого был выше авторитета архиепископов ВВЦС. 22 апреля митрополит Сергей вступает в переписку с митрополитом Петром. Местоблюститель признал ошибочность своего решения передать власть коллегии с участием архиепископа Григория, аннулировал полномочия ВВЦС и подтвердил прежнее назначение митрополита Сергия своим заместителем. Однако «григорьевцы» не согласны были с этим решением митрополита Петра, считая ВВЦС уже вполне официальным органом управления Церковью. Таким образом, в Русской Церкви произошел новый раскол.

В целом число сторонников ВВЦС по стране оказалось небольшим. Однако в Томске «григорьевцы» составляли большинство благодаря личности управляющего епархией архиепископа Димитрия (Беликова), который прожил в Томске около 40 лет. Известный ученый, доктор церковной истории, заслуженный профессор пользовался большой любовью и уважением в Томске. На службах архиепископа Димитрия (Беликова) всегда было много народа. Умер он в 1932 году в сане митрополита (в расколе ВВЦС). Знали в Томске и архиепископа Григория (Яцковского). С 1895 года он был вместе с протоиереем Димитрием Беликовым преподавателем Томской духовной семинарии. В 1897 году он был и ректором Томской духовной семинарии.

1 марта 1927 года начал свои заседания Томский Епархиальный Съезд. На этом съезде присутствовало 33 человека от духовенства и 30 человек от мирян. Наиболее важным вопросом на Съезде было отношение к высшей церковной власти¹⁰³. По этому вопросу первый доклад сделал архиепископ Димитрий. Он охарактеризовал

положение Русской Православной Церкви как находящейся в состоянии смущений¹⁰⁴. Далее владыка Димитрий изложил историю перехода патриаршей власти местоблюстителю Петру Крутицкому, а затем митрополиту Сергию Нижегородскому, и как эту власть стала оспаривать коллегия иерархов во главе с архиепископом Григорием Екатеринбургским. «Шли и может быть не перестают идти взаимные пререкания, в которых нам, живущим в Сибирской дали, трудно разобраться по отношению к их каноничности и компетентности... В следствии этой неопределенности и запутанности по делу устройства и установления высшей церковной центральной власти происходит то затрудняющее нас положение, в котором мы лишаемся руководственных указаний по нуждам и запросам возникающим в нашей местной церковной жизни, какие и впредь всегда могут возникнуть. В продолжении своего Томского служения я, лично, не получал от церковного центра никаких распоряжений и никаких официальных уведомлений, не встречал ответа и на свои письма»¹⁰⁵. Резюмируя происходящее, владыка сказал: «Нет власти в смысле ее проявления и в смысле сношения с нею... Прихожу к решению о необходимости временной самостоятельности в виду переживаемого замешательства в церковной жизни, неизбежно связанного с трудностями в моей епархиальной деятельности. В случаях встречи с делами, возникающими в управлении и вызывающими мое недоумение я, следуя указаниям, данным ныне почившим Патриархом, должен и буду в их решении и обсуждении обращаться к братской помощи ближайших соседних епископов. ...В случае, если постигнет меня прещение того или иного иерархического представителя церковной власти, то сочту его прещением произвола, не оправдываемого канонами, не говоря уже о противоречии заветам о христианской любви. Если бы оно было суждено для моих седин, понесу его, как возложенный крест»¹⁰⁶. Вероятно владыка Димитрий понимал, что, поддержав одну из сторон, с другой стороны выйдет в его адрес «прещение», и делал попытку остаться со всеми в мире. По данному вопросу выступило еще пять докладчиков, также отстаивающих необходимость и каноничность автокефалии. Выслушав доклады, Съезд вынес решение: «Ввиду того, что в настоящее время высшая церковная власть оказывается фактически несуществующей, а относительно представителей ее и приемников среди иерархов происходят разделения, нарушающие мир Церкви и, кроме того, принимая во внимание огромное расстояние, отделяющее нашу епархию от церковных центров, и фактическую невоз-

можность порой поддерживать с ними сношения, Томский Епархиальный Съезд, в соответствии со своими неотложными церковными потребностями, постановляет: Томская Церковь, верная Божественным канонам и всем церковным законоположениям, не порывая общения с вселенскими патриархами, всею Соборною Православною Церковью вообще и Русской в частности, признает необходимым оставаться в своих церковных делах самоопределяющеюся и будет находиться до времени, когда укажет Господь, в положении автокефальной (самостоятельной) Церкви, самоопределяющеюся по разуму канонов только под водительством своего епископа в лице архиепископа Димитрия (Беликова) и возглавляемого им Автокефального Епархиального Совета, избранного Епархиальным Съездом, причем бы Съезд находил бы более целесообразным и даже правильным обратиться с ходатайством к гражданским властям об учреждении временного областного Сибирского Церковного Управления, к которому бы Томская Церковь и присоединилась»¹⁰⁷.

О положении в Томске в связи с расколом можно узнать из протоколов заседаний Епархиального Совета в Барнауле¹⁰⁸. Весной 1927 года из Барнаула были посланы делегаты в Новосибирск и Томск, чтобы выяснить мнение соседних епархий по отношению к высшей церковной власти. 24 мая 1927 года делегаты на заседании Барнаульского Епархиального Совета доложили, что в Томске архиепископ Димитрий объявил свою епархию автокефальной. Автокефалию владыка Димитрий основал на указе Патриарха Тихона от 20 ноября 1920 г.¹⁰⁹ Причиной этому послужили главным образом отсутствие в центре законной избранной церковной власти и раздоры. Делегаты сообщают, что архиепископ Димитрий заместитель местоблюстителя не признает и не доверяет им, как не имеющих при себе коллегиального управления. Зато на ВВЦС смотрит как на коллегия, имеющую возможность созвать предсоборное совещание и поместный собор. Считает, что авторитетную власть может избрать только предсоборное совещание, созванное при помощи ВВЦС.

За объявленную автокефалию архиепископ Димитрий подвергся отлучению со стороны заместителя Патриаршего место-

* Осенью 1926 года до 30 марта 1927 года митрополит Сергий находился под арестом и временное управление Церковью взял на себя митрополит Иосиф (Петровых), а после ареста последнего с 13 декабря 1926 года — архиепископ Серафим (Самойлович), управлявший до освобождения митрополита Сергия.

блюстителю архиепископа Серафима Угличского*. Архиепископу Новосибирскому Никифору и епископу Кузнецкому викарию Томской епархии Никону, архиепископ Серафим предложил принимать в свое каноническое и молитвенное общение и архипастырское попечение те приходы Томской епархии, которые пожелают быть в общении с Патриаршей Церковью, возглавляемой местоблюстителем митрополитом Петром и его заместителями. Об отлучении от Церкви архиепископ Дмитрий объявил с церковной кафедры Томского собора. Результаты отлучения сказались очень быстро. Диаконы, сослужащие архиепископу Дмитрию, отказались причащаться с ним. В Томске из подчинения архиепископа Дмитрия откололись сразу две церкви — Сретенская и Вознесенская с протоиереями Лебедевым и Климовым. Кроме того, отпали от архиепископа Дмитрия благочиние № 3 и еще 10 приходов. Со слов барнаульских делегатов, у архиепископа Дмитрия была мысль создания Сибирской митрополии, но после отлучения эта мысль отпала. Архиепископ Дмитрий сообщил делегатам текст телеграммы, посланной архиепископу Серафиму: «Углич арх. Серафиму. Был остаюсь хочу быть общении со всею Русскою Церковью посему должен признать себя канонически правомочным на служение особенно ввиду неотложной нужды успокоения глубоко смущенного верующего общества». Познакомил он делегатов и с ответом архиепископа Серафима: «содержание Вашей телеграммы послал Москву митрополиту Сергию прошу его принять Вас общению»¹¹⁰. Но делегаты сообщили, что архиепископ Дмитрий смотрел отрицательно на запрещение митрополитом Сергием ВВЦС. Он колебался в своем решении, однако понимал, что остановиться на автокефалии опасно, и вел переписку с членом ВВЦС епископом Борисом (Рукиным).

И в Томске, и в Барнауле осознавали непопулярность ВВЦС, в котором не было особо выдающихся иерархов. Однако видели в ВВЦС принцип соборности, тогда как единоличная власть местоблюстителей многих пугала. Заместительский институт считали явлением ненормальным и неканоничным, ибо по канонам преемство власти по своему личному произволу недопустимо.

Интересно отметить, что епископ Барнаульский Владимир (Юденич) был сторонником подчинения патриаршему местоблюстителю Петру Крутицкому и его заместителям. Епископ Владимир был народным избранником. В епископы его выдвинули на съезде духовенства и мирян Барнаульской епархии 3/16 февраля

1927 года. Заместитель Патриаршего местоблюстителя архиепископ Серафим Угличский согласен был на его хиротонию, но потребовал от него подписать присягу признания единственно законной церковной властью в России Патриаршее управление, возглавляемое патриаршим местоблюстителем Петром, митрополитом Крутицким и его местоблюстителем, и осуждающую ВВЦС¹¹¹. Архимандрит Владимир присягу дал, и был рукоположен во епископы архиепископом Иннокентием Бийским. Однако на заседаниях епархиальных советов 24 мая и 24 июня было решено временно признать высшей церковной властью ВВЦС до созыва 2-го поместного собора. Епископ Владимир, стремясь сохранить епархию от раскола и религиозных волнений среди верующих, был вынужден подчиниться решению епархиального совета¹¹².

В 1927 году Томская епархия староцерковников ориентации ВВЦС охватывала современные Томскую и Кемеровскую области. На этой территории было организовано 22 благочиния с 161 храмом¹¹³. Священников было 146, диаконов — 15, псаломщиков — 51¹¹⁴.

С 1928 года владыка Дмитрий носил титул митрополита Томского и Сибирского. С 1932 г. епархия носила название Западно-Сибирской митрополии. В 1937 году в Западно-Сибирской митрополии оставалось 30 храмов, из них действующих — всего 15. Храмы были в г. Красноярске — 1, в Новосибирске — 1, в Кемерове — 1, в Томске — 2, остальные в сельской местности: Коларове, Нелюбине, Мазалове, Рождественке, Тогуре, Топках, Заледееве, Салтыкове, Болотном, Юрге¹¹⁵. Последний Томский григорианский епископ Иувеналий (Зиверт) в 1937 году был арестован и расстрелян¹¹⁶ вместе с епископами других ориентаций. До 1940-го года в Томске просуществовали общины храмов Иоанна Лествичника и Вознесения Господня. Трудно сказать, к какому течению принадлежали священники Тимофей Гапочка и Иоанн Мельцов, малое время возглавлявшие общины этих томских церквей в 1940 году, но активный член этих общин Лидия Ивановна Хлебникова (отбывшая с 1940 года 10 лет лагерей, как «активная церковница»¹¹⁷, считала «своим» епископа Иувеналия (Зиверта), принадлежавшего ориентации ВВЦС.

В 1927 году по постановлению ОГПУ был сослан в Томск на 3 года сторонник юрисдикции митрополита Сергия (Страгородс-

кого) епископ Герман (Кокель). Здесь Патриаршей Церковью ему было поручено возглавить Томскую епархию. Таким образом, в Томске стало две староцерковнических Церкви.

Интересно привести воспоминания В. Черепанова, описывавшего жизнь церкви 30-х годов: «Церковь в Сибири в то время была разъединена на «тихоновцев», «григорианцев» (от имени митрополита Екатеринбургского Григория), *отличавшегося от «тихоновцев» крайней непримиримостью к власти, крайним непризнанием власти*, и «обновленцев» — «живоцерковников» — лояльных к власти, признающих ее законной»¹¹⁸. Вообще «непримиримыми» к власти томские григорианцы не были, хотя, видимо, были наиболее строгим течением.

ЖИЗНЬ ЦЕРКОВНЫХ ОБЩИН. ЗАКРЫТИЕ ХРАМОВ

Власти стали прилагать большие усилия к закрытию храмов. Церковным общинам приходилось вести тяжелую борьбу за свое существование. Общины обвинялись в невыполнении договоров по содержанию храмов, которые являются «народным» достоянием, в том, что церкви находились вблизи школ, больниц и других общественных зданий, в том, что была нужда в кирпиче. Храмы закрывались, отдавались под клубы, зернохранилища, разбирались на кирпичи. Так, в 1929 году в Томске были закрыты церковь Казанской иконы Божией Матери при бывшем Алексиевском монастыре¹¹⁹, Успенская и Иннокентьевская церкви женского монастыря (а в 1930 году и снесены)¹²⁰, Богоявленская церковь¹²¹. В 1930 году закрыли великолепный Троицкий кафедральный собор, построенный в 1900 году по проекту архитектора Тона. Был подготовлен проект постановления Президиума Томского горсовета «О ликвидации молитвенного здания Троицкого кафедрального собора»:

«В Томский горсовет поступают массовые требования трудящихся г. Томска, изложенные в протоколах собраний и подписях, о закрытии Троицкого кафедрального собора, находящегося на площади Революции в непосредственной близости от ВУЗов и важнейших государственных учреждений.

Эти настойчивые требования трудящихся вполне обоснованы, и по существу давно должны быть удовлетворены, в связи с наблюдавшимся сейчас в Томске острым жилищным кризисом, который к тому же прогрессивно растет. В результате создавшегося положения вновь открываемые учебные заведения, на которые ложится сейчас особенно ответственная задача по подготовке кадров специалистов, нередко оказываются совершенно не обеспечены потребностями жилой площади, что безусловно вносит резкие перебои в работу ВУЗов.

В то же время громадное здание Кафедрального собора используется не только не целесообразно, но в то же время, как выяснено специальным обследованием — преступно-бесхозяйственно (промораживание стен, порча водопровода и отопления и т.п.), что вполне подтверждает факты хищнической эксплуатации здания большой ценности.

На основании изложенного Томгорсовет, учитывая наличие в Томске достаточного количества других молитвенных зданий, полностью удовлетворяющих потребности верующих (13 православных церквей и 7 молитвенных зданий других вероисповеданий)

ПОСТАНОВИЛ:

1. Возбудить ходатайство перед СКИК через ОПК о ликвидации молитвенного здания Троицкого собора в порядке ст. 36 декрета ВЦИК от 8 апреля 1929 года и передаче его в распоряжение горсовета под музей, а помещение, занимаемое ныне музеем — в учебные заведения.

2. Предложить Горчасти ОАО произвести дознание и привлечь к ответственности церковный совет за допущенную порчу водопровода и отопления»¹²².

Президиум СКИК постановлением от 8 марта 1930 года за № 27 отклонил ходатайство Томского окружного исполнительного комитета «О ликвидации Троицкого кафедрального собора». Тогда председатель Томского окрисполкома тов. Нагорнов учит, как грамотнее составить бумагу на закрытие собора. За дело берется газета «Красное знамя», которая пишет, что 13 лет знамя томских черносотенцев хранилось в стенах собора: «...Требуем немедленно закрыть церковь. ...Протоиерей Ядрышников, бывший белый офицер Богоявленский, церковный староста Соколов — черносотенец и бывший крупный подрядчик, теперь член профсоюза, дети которого учатся в музыкальном и строительном техникумах, и сторож Шадрин — человек с темным прошлым. Эти махровые контрреволюционеры попытались скрыть хранение

черносотенного знамени, на их квартирах обнаружено похищенное ими церковное имущество — облачение, ценные книги, свечи, найдено несколько тысяч царских и колчаковских бумажных рублей и до 2-х пудов медных денег, царские и колчаковские портреты и прочее. Кроме того, у Соколова обнаружен револьвер с патронами, который хранил без разрешения. Этот же Соколов, бывший член «Союза русского народа» говорил, что придет время, когда он с этим знаменем пойдет по улицам Томска.

Выяснилось, что эта шайка вела систематическую черносотенную агитацию среди темных обывателей и приезжающих крестьян, посещавших церковь. Пора покончить с этим черным гнездом контрреволюционного воронья. Требуем немедленно закрыть собор!»¹²³.

Еще добавили несколько актов о том, что в стенах трещина, отопление в неудовлетворительном состоянии, указали, что община не имеет средств на указанный ремонт... и, наконец — «Акт о передаче в госфонд имущества церкви». Президиум Сибирского краевого исполнительного комитета Советов 3-го созыва не сразу дал согласие на ликвидацию собора, по крайней мере 18 марта 1930 года он отклонил ходатайство о его ликвидации. Но уже в мае 1930 года храм был закрыт. До апреля 1931 года здание использовалось под учебные мастерские курсов «Установка». В марте 1931 года было возбуждено ходатайство перед ВЦИКом об использовании этого здания под планетарий¹²⁴. И все же «здание большой ценности» в 1934 году было уничтожено. В преступлении века должны были принять участие все. Появилось воззвание: «Каждый томич унесет кирпич!» (из воспоминаний очевидцев).

В 1930 же году были закрыты в Томске, а потом и снесены Духосошественская¹²⁵ и Сретенская церкви¹²⁶.

10 августа 1932 года, по «многочисленным ходатайствам трудящихся», вышло постановление о ликвидации Иверской часовни, так как она находилась на площади, отведенной под сквер. На заседании президиума Томского Совета «О ликвидации молитвенного здания Иверской часовни, находящейся на базарной площади» говорится, что «часовня возведена в 1854 году томским купцом Петровым к проезду через город Томск бывшего царского наследника царя Николая II... является памятником эпохи самодержавия, свергнутого революцией волею трудящихся... Находится в непосредственной близости от целого ряда Советских учреждений... Имущество передать в Петропавловскую цер-

ковь»¹²⁷. Часовня была разрушена и впоследствии на ее месте построен памятник Ленину, который стоит до сих пор.

В 1934 году были закрыты и в дальнейшем снесены Преображенская церковь¹²⁸ и старый Благовещенский собор¹²⁹.

В 1934 году в Знаменской церкви прекратил служение дьякон Д. А. Терпигорьев, так как «не мог более платить налог». В феврале 1935 года староста Казаков докладывает, что Знаменская церковь «не выдерживает всей тяжести расходов на содержание епископа, и церковь и причт страдают от чрезмерного состава причта, третий человек лишний, кто-то должен уйти». Уволили священника Балбутского, а вскоре городская власть закрыла церковь и предложила ее Сплавфлоту под клуб¹³⁰. Сохранилось в «Деле» письмо в защиту Знаменской церкви. Ниже приводится это трогательное письмо (орфография сохранена):

Город Томскъ
горсовету адмнадзору Кант-
ралевскому (Котляревскому)
отъ Крестьянина
Романова Георгия Ефимовича

заявление.

1935 10/5 настоящий заявляю Я. Романовъ георгий Ефимовичъ вам Г-нъ Коктралевский Кто вамъ разрешилъ Закрыть Знаменскую Церковь и покакой Причини вы мне Говорили 19 П что залеригию нисылали Асами нарушайте То Я Романовъ Георгий Ефимович Катигорично Приупреждаю вамъ этотъ храмъ нешывелить

Подпись Самыя Главнейшие Глава войскъ Объединенова Государства Па управления всехъ наций и всего земного Шара Романовъ Георгий Ефимович¹³¹.

Несмотря на то, что автор этого заявления был, по всей видимости, не вполне здоров, он был осужден в 1937 году на 8 лет концлагерей и 5 лет поражения в правах¹³².

В 1936 году закрыли Никольскую церковь¹³³.

В 1937 году оставалось четыре действующих православных храма в Томске, из них: церкви Иоанна Лествичника и Вознесенская принадлежали григорианцам, Петропавловская — обновленцам, а Троицкую (единоверческую) церковь делили между собой единоверцы и община чисто православная Патриаршей Церкви, которая перешла сюда, потеряв Воскресенский храм. Хотя единоверцы и признавали над собою власть Московской Патриархии и епископа Томского Серафима, мир с общиной из Воскресенского храма их не брал¹³⁴. В конце концов, исходатайствовали

разрешение отгородить правый придел сплошной стеной, и его заняла малочисленная (15–30 человек) община единоверцев¹³⁵.

За 1929–1931 годы были закрыты почти все сельские церкви¹³⁶. Закрывали храмы или обманым путем, или откровенно цинично и грубо. Иногда достаточно было арестовать священника, и тогда оказывалось, что некому служить. О том, как велась «культурная борьба с религией» говорит, например, такой документ:

В Томский Окрисполком
верующих с. Молчаново

2 февраля 1930 г. собрание граждан, в большинстве неверующих, постановили закрыть Молчановскую церковь, не считаясь с большинством верующих. По адресу верующих сыпались оскорбления в разных фразах. Собрание в деревнях не проводилось не смотря на то, что приход имеет 5000 верующих. 3 февраля утром в церковь для сдачи имущества явились инспектор угрозыска Альфер Монаков и Алексеенко и представители верующих Сысов и Бобковский. Сюда же ввалилась и толпа комсомольцев и служащих с женами.

Вот здесь то и началась расправа с религией.

Протокол закрытия не был еще утвержден окрисполкомом, и здание еще числилось за верующими, и оскорблять религиозные чувства верующих было неуместно.

В церкви ходили в шапках, курили, плевали, одевали ризы, кощунствовали, женщины ходили в алтарь, иконы били в церковной ограде, в старостинской конторе брали деньги и ложили в карманы (эта фраза слегка зачеркнута), престол вынесли, на плащанице сломали стекла.

Все это происходило под лозунгом культурной борьбы с религией, напугавшись таких культурников, верующие просят защиты Окрисполкома, одновременно возбудив ходатайство пред ВЦИК-ом. Явившийся начальник РАО т. Шидер прекратил безобразия. Теперь церковь опечатана, сдача не производится и ждут утверждения Окрисполкома.

Церковный староста
В.И. Сысов
неграмотный и за него
расписался Пронгатов
председатель церковного
совета Моторов¹³⁷.

По всем сельским советам были разосланы «Инструкции постоянной комиссии при Президиуме ВЦИК по вопросам культур» от 16 января 1931 г. (Москва. Кремль), в которых снова и сно-

ва подчеркивалось, что религиозные объединения правами юридических лиц не пользуются и им воспрещается «создавать кассы взаимопомощи, богадельни, приюты, странно-приемные дома, общежития для бедных, похоронные кассы... Запрещались организации специальных детских, юношеских, женских молитвенных собраний, запрещалась организация кружков рукодельных, литературных, трудовых, по обучению религии, устраивать экскурсии и детские площадки, открывать библиотеки и читальни, организовывать санатории и оказывать лечебную помощь и тому подобное... Особо подчеркивалось, что лица, лишенные избирательных прав, не могли быть избраны членами исполнительных органов в церковном совете»¹³⁸. Новосибирский областной исполнительный комитет регулярно требует сведения о закрытии церквей и поучает, как это сделать: «Для закрытия церквей или молитвенных домов (часто бездействующих, священников уже остается все меньше и меньше) необходимо вывесить на двери церкви объявление, извещающее желающих взять в аренду данное церковное здание, и если в течение 7 дней не найдется желающих верующих взять церковное здание в аренду, объявление снимается. После этого проводится общее собрание граждан, колхозников и принимается решение о передаче этого церковного здания под культурные нужды». Если до этого церкви самовольно местные власти использовали под склады, кузни и прочее, то теперь в порядке статей 34 и 35 Постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 года принимаются меры к оформлению закрытия церквей. Новосибирский облисполком незамедлительно утверждал решения райисполкомов и крайисполкомов о закрытии церквей.

Начавшиеся в 1929 году разрушительные притеснения церковных общин сказались и на преследовании колокольного звона, столь ненавистного воинствующим безбожникам. Издаются циркуляры, разрешающие горсоветам и райисполкомам ограничивать и воспрещать колокольный звон на местах под любым предлогом. 2 ноября 1934 года вышло постановление № 944 «О воспрещении колокольного звона в населенных пунктах Томского района», в котором говорится:

«Ввиду того, что колокольный звон в молитвенных помещениях нарушает правильное течение занятий в школах, воспитательных и других государственных и общественных учреждениях и организациях села, и учитывая культурный рост колхоз-

ного и единоличного сектора села, президиум городского совета постановил 1) воспретить колокольный звон в следующих молитвенных пунктах района... (перечисляется 38 сел и деревень), 2) просить Президиум Западно-Сибирского края об утверждении настоящего постановления, 3) предложить сельсоветам немедленно принять меры к проведению настоящего постановления, объявив его заинтересованным религиозным объединениям, широко развернув в связи с этим соответствующую массово-разъяснительную работу. Постановление подписали Председатель горсовета — Кроловецкий и секретарь — Клешнин»¹³⁹.

При этом колокола молитвенных домов в местностях, где уже запрещен колокольный звон, «подлежат реализации исключительно путем зачисления их местными райфо в госфонд и передачу Металлолomu. Использование колоколов местными органами по своему усмотрению — не допускается» Этот документ подписан 22.08.1933 года¹⁴⁰. В городе церковные общины «добровольно» сдают колокола на хозяйственные нужды. Обновленцы, «сознавая нужду страны в металле и желая помочь ей», сами предлагают административному отделу на индустриальные нужды страны 3 колокола, общим весом 130 пудов из Никольского храма уже в апреле 1929 года. Немного позже пришлось расстаться с колоколами, отлитыми в Тюмени в 1810 году Алексеем Штониным¹⁴¹ и Поликарпом Гилевым с сыновьями в 1825 году¹⁴². Троицкий собор сдал три колокола общим весом 429 пудов; сдали колокола Сретенская, Знаменская, Казанская и др. церкви.

В 1934 году начался особо тщательный учет колоколов, «столь необходимых» на нужды индустриализации. По городу Томску насчитали 47 колоколов общим весом в 12493 кг. По селам только Томского района зарегистрировали 191 колокол¹⁴³. Парабельский райисполком шлет совершенно секретные радиотелеграммы-отчеты в окрисполком Макарову и в НКВД Марто-ну: «Вашу 315 выполнили. Материал всему району количестве 6346 килограмм сдан приемщику Айзину. Партия Чигара-Нарым-Алатаево отправлен парохомом Эйхе. Материал Парабели сдан пристань шестнадцатого. Смирнов»¹⁴⁴. Вся подшивка документов этого дела об учете колоколов и отправке их на металлолом.

14 сентября 1934 года вышло постановление горсовета № 760 «Об использовании каменных и мраморных плит и памятников, не зарегистрированных на кладбищах», в соответствии с которым разрешалось памятники «использовать под сырье для ме-

стной промышленности каменно-обрабатывающего производства, работающего на местном сырье и вырабатывающего предметы широкого потребления: точильные бруски, точила, оселки...». Позже и вообще закрыли старинные кладбища и на их месте выстроили заводы и жилые дома¹⁴⁵.

После массовых репрессий 1937 года священников в храмах не осталось. Троицкую единоверческую церковь закрыли в сентябре 1939 года и отдали ее под культурные нужды хлебокомбината¹⁴⁶. В начале 1940 года Петропавловскую церковь закрыли и передали под склад в заготзерно во временное пользование¹⁴⁷.

Последними в 1940 году оставались церкви Вознесенская и Иоанна Лествичника. На короткое время там даже появились священники и активизировалась общинная жизнь. Однако против общин организовали травлю, а активных членов общины арестовали¹⁴⁸. Обе церкви в дальнейшем были снесены.

РЕПРЕССИИ 30-Х ГОДОВ

В 1926 году был принят новый Уголовный кодекс РСФСР, в котором появилась известная 58-я статья, по которой в течение тридцати четырех лет могли обвинить практически любого человека в контрреволюционных преступлениях. Первыми осужденными по 58-й статье в г. Томске были дочь протоиерея Владимира Калугина — Клавдия Калугина и псаломщик Воскресенской церкви Федор Просандеев¹⁴⁹, которых обвинили в контрреволюционной агитации, и 4 ноября 1927 года их приговорили каждого к 2 годам концлагерей. Оба обвинялись в сборе средств для оказания помощи ссыльному духовенству. Многие священники были допрошены как свидетели, но они не выдали Просандеева и Калугину. И только протоиерей Евгений Удинцев в своих показаниях подтвердил, что действительно, «Клавдия по подписным листам собирала деньги на ссыльное духовенство. Калугина настроена на 100% антисоветски...»¹⁵⁰.

В 1929 году разворачивается кампания по «изживанию религиозности». Секретарем ВКП(б) Л.М. Кагановичем было разослано по стране директивное письмо под названием «О мерах по усилению антирелигиозной работы». Духовенство объявлялось

Кагановичем политическим противником ВКП(б). 8 апреля 1929 года было принято новое законодательство «О религиозных объединениях», по которому деятельность религиозных общин ограничивалась стенами «молитвенных домов»¹⁵¹. Духовенство и верующих начали всячески притеснять. Святотатство, кощунство и издевательства над чувствами верующих даже поощрялись. Начинаются массовые репрессии против священнослужителей.

Жизнь священнослужителей стала столь тяжелой, что некоторые отказывались служить в Церкви и даже просили снять с них сан. В декабре 1929 года отрекся от сана священник С. С. Федоров¹⁵², оставили служение диакон Петр Руковишников¹⁵³ и диакон С. Я. Шевлагин. В январе 1930 года появилось сообщение в газете «Красное знамя» об отречении от сана священника М. Л. Попова¹⁵⁴. 6 февраля 1930 года снял с себя сан священник П. П. Тихонов¹⁵⁵. В феврале 1930 года отрекся от своего служения псаломщик П. В. Способин¹⁵⁶. Сняли с себя сан диакон И. Д. Псарев¹⁵⁷, священник А. Р. Дудкин из села Батурино¹⁵⁸. Многие священнослужители переходили на гражданскую работу и пытались скрыть свою принадлежность к Церкви.

В конце октября 1929 года в Томске прошел суд над протоиереем Иоанном Беневоленским (уже отбывшим 3 года наказания за противодействие изъятию церковных ценностей), протоиереем Николаем Васильевым, протоиереем Евгением Ландышевым, тремя сестрами Ильиных. В эту «активную контрреволюционную организацию церковников» были включены также ученый Петр Пудовиков, бывший староста церкви домовладелец Дмитрий Васильев и хирург Иосиф Парховников. Все они обвинялись по статье 58-10. У академика Пудовикова, преподавателя духовных училищ, при обыске изъяты 94 книги богословского характера. На о. Иоанна Беневоленского дал очень «ценные» показания протоиерей Евгений Удинцев: «Беневоленского Ивана Алексеевича, бывшего протоиерея, ключаря Томского кафедрального собора, знаю давно. По своим убеждениям он монархист. С 1905 года он принимал активное участие в организации "Союз Русского Народа", состоял председателем Томского Губернского отдела... За противодействие изъятию церковных ценностей Беневоленский был судим и отбыл три года изоляции, но остался неисправим. Одаренный от природы богатым интеллектом, недурными ораторскими способностями, настойчивый и упрямый, он крепко затаил злобу. Упорно, где только и как только мог, он со злым сарказмом

критиковал и высмеивал все мероприятия советской власти или отдельных ее представителей... говорил, что советская власть не удержится, теперь ведь нет церковных ценностей для откупа. Все разграблено, растащено, поругано, из великой и богатой Россия превратилась в ничтожную, нищую... За границей с нашими полпредами разговаривают как с лакеями не далее прихожей...». В таком же духе Удинцевым были написаны характеристики и на остальных подсудимых. Протоиерей Николай Васильев получил срок 5 лет концлагерей, Петр Пудовиков — 3 года концлагерей. Остальных из-под стражи освободили без права проживания в 6 городах, в том числе и в Томске. Можно предположить, что такое «легкое» наказание они получили в связи с тем, что тюремный врач сделал заключение относительно Парховникова, Беневоленского и Васильева Д., что они «пешком следовать» не могут, то есть больны¹⁵⁹.

В 1929 году в селе Тарбеево были арестованы в компании с односельчанами священник Гавриил Гаврилович Ярославов и псаломщик Василий Федорович Мельников. Осуждены они были по статье 58-10. Отец Гавриил был приговорен к расстрелу, а псаломщик Мельников — к 10 годам концлагерей¹⁶⁰. В это же время в с. Семилужное Томского района местный священник Александр Григорьевич Мелентьев получил 3 года концлагерей за протест против закрытия церкви. В меморандуме в ОГПУ на Мелентьева написано: «По нашим данным установлено, что в апреле месяце в с. Семилужное (Семилужках) Томского округа в связи с эпидемией скарлатины сельсоветом была по предложению санитарной комиссии закрыта церковь на 7 дней для дезинфекции. Местный священник Мелентьев... используя временное закрытие церкви, стал в контрреволюционных целях распространять среди крестьян слухи о том, что церковь коммунисты хотят закрыть навсегда... собралась толпа около церкви в 100 человек». Народ добился открытия церкви, но священник был арестован, и приход остался без священника. Ревностное служение батюшки хорошо отражено в показании на него местного псаломщика Петра Вербитского: «Он прибыл к нам из Александровки, очень ревностный верующий, в праздники начинал служить с 4 часов утра и до 12 дня, а с 5 часов вечера начинал акафист...»¹⁶¹.

В начале февраля 1930 года прошли массовые аресты в городе Томске. Было арестовано более 60 человек и среди них 6 священников (А. И. Артоболевский, В. М. Бердников, А. И. Васне-

цов, Н. С. Климов, Л. Л. Радиончик, Н. А. Чистосердов), 5 диаконов и иподиаконов (Иннокентий Богославский, Александр Колондадзе, Сергей Орлихин, Николай Шадрин, Павел Жадин), псаломщики, регент. Остальные были бывшими миллионерами, владельцами приисков, фабрик, свечных заводов, магазинов, домов, бывшими офицерами и другими «бывшими людьми». Все эти «бывшие» пользовались авторитетом у прихожан церковей. Около половины из числа арестованных были старостами, председателями и членами церковных советов. Например, в постановлении на арест А. Е. Егорова было написано, что он «является бывшим членом СРН, владельцем винной лавки, отобранной за бесхозяйственность, имеет четыре трехэтажных дома...». При обыске у него изъяли «свечи церковные 17 штук, бахрому церковную, трехцветный флаг, книжку "Безбожие и пьянство", царский портрет». Из показаний свидетелей станет известным, что он был член Епархиального совета. За все это он будет приговорен к расстрелу.

Половина из арестованных были «домовладельцами». Все они назывались «махровой черносотенной публикой, сгруппировавшейся вокруг церкви», и их обвиняли в непримиримой вражде к советской власти. Поделили их поровну на две группы по признаку «кто у кого пил чай» по большим праздникам. Одна группа была выделена в «Дело № П-7884»; они собирались на квартире Т. В. Гаркина, бывшего сибирского миллионера, скотопромышленника, имевшего большой фруктовый сад, а значит, и варенье к чаю и даже самодельную фруктовую наливку. Другая группа была выделена в «Дело № П-8805», эти собирались в большом и гостеприимном доме протоиерея Николая Чистосердова. Дом ему достался по наследству от купца Гадалова (приемных родителей его жены)*. Имел Чистосердов пасеку, а значит, и мед к чаю. Из дел следует, что, встречаясь, они обсуждали текущие события, гонения на Церковь, собирали деньги, покупали продукты и отправляли их ссыльным священнослужителям в Нарым, предполагали даже создать комитет помощи ссыльным. Среди священников и церковнослужителей были и свои «осведомители»: протоиереи Евгений Удинцев и Стефан Нестеровский (позже, в 1937 году, он будет расстрелян), диакон Иоанн Псарев, староста

* Воспоминания внучки священника Чистосердова — В. С. Брагиной.

Н. В. Казаков, священники В. Г. Явтухович и А. Г. Сухорученко. Все они тоже были частыми гостями у Чистосердова и Гаркина. Из показания протоиерея Стефана Нестеровского, хранящегося в «Деле», читаем: «...В квартире Тараса Гаркина (бывшего миллионера Сибири) я живу с 1929 года... здесь часто собирались вместе человек по 25 выпить чашку чая с вареньем и наливки собственного приготовления, рассаживались по группам и вели самые антисоветские разговоры, вздыхая о прошлой жизни, ругая советскую власть, ждали избавления с Запада... Н. М. Гроздова особенно болела, что разрушили святыни и за гонение на священников. Говорили, что колхозы распадутся, ибо в них насильно загоняют крестьян, что в колхозы идут одни лодыри... Ядрышников говорил, что настанет время, когда на Соборной площади будут не коммунисты ораторствовать, а он велегласно будет читать манифест об освобождении русской империи от большевиков... Говорили, что так жить дальше нельзя... кормят кониной и той скоро не будет... масса безработных... сняли колокола... Братья Богословские усиленно агитировали среди посетителей собора, чтобы принимать все меры против похода безбожников на Новый собор, советовали собрать человек 400 — 500 и идти в горсовет с протестом...». В донесениях других «бдительных граждан» читаем, что «в своем кругу они называли друг друга «господами», «настраивали крестьян против коллективизации, против лесозаготовок», «распространяли слухи о скорой гибели советской власти, распространяли слухи о гонении на Церковь». Сами подсудимые отрицали то, что вели антисоветские разговоры, и не признавали обвинений, предъявленных им. И тем не менее 50 человек было приговорено к расстрелу, 8 — получило по 10 лет концлагерей, один — 5 лет концлагерей, а милосердных женщин Груздову, Безотчества и Синичкину, собиравших деньги и отправлявших посылки сосланному в Нарым духовенству, самих отправили в ссылку в Туруханский край. Отбывший срок М. А. Михайленко (помощник старосты) в 1937 году был расстрелян, Иннокентий Богословский в 1937 году получил новый срок — 10 лет концлагерей и 5 лет ссылки, Сергей Орлихин, отбывая свои 10 лет лагерей, заболел туберкулезом и умер в 1945 году. Расстреляли в 1937 году и сына о. Н. Чистосердова Сергея Николаевича¹⁶².

В феврале 1930 года был осужден священник села Мазалово Иван Васильевич Копендюхин. Чтобы закрыть церковь, его отправили на лесозаготовки. Вернувшись с лесозаготовок и уз-

нав, что церковь опечатана, он попытался провести церковно-приходское собрание верующих, за это и был выслан вместе с семьей на 3 года в Туруханский край¹⁶³. На 3 года в концлагеря был отправлен священник села Кривошеино Михаил Егорович Садовский¹⁶⁴. В марте 1930 года была закрыта церковь в селе Никольском Кривошеинского района, а служившего в ней священника Николая Николаевича Ильменникова «за антисоветскую агитацию» приговорили к расстрелу. Псаломщика этой же церкви Петра Ильича Осипова осудили на 10 лет концлагерей и отправили на Колыму¹⁶⁵. В марте 1930 года на 5 лет концлагерей был осужден священник села Беловодовка Владимир Васильевич Плотников. В 1920 году его лишили права голоса. В 1928 году его осудили за несдачу хлебных излишков (статья 107), после 10 месяцев тюремного заключения его отправили в концлагеря¹⁶⁶. По «Делу П-5997» в 1930 г. прошло 123 человека, в том числе и священник Чердатской церкви Сергей Федорович Клавдин, ранее судимый «за срыв лесозаготовок», теперь получил ВМН (высшую меру наказания — расстрел)¹⁶⁷. К расстрелу приговорили и священника Петра Константиновича Аврова. Первый раз его арестовывали еще в августе 1920 года «за укрывательство бандита». Томская уездная чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности постановила «Аврова заключить в домпринраб на 5 лет». Жители села Десятово Кожевниковского района и сельский совет ходатайствовали за Аврова, просили «освободить его, так как он не участвовал в бандитских вылазках, а семья терпит бедствия». Хлопотала за него и местная комсомольская ячейка: «...ни в чем замечен не был». Аврова освободили по амнистии в декабре 1921 года. Отец Петр был с 1922 по 1929 год священником в селе Бабарыкино. В 1929 году был вновь арестован по статье 59, но срок не отбывал. В 1930 году его арестовали в третий раз, обвинили «в антисоветской агитации, проводимых в части коллективизации, благодаря чему получился распад Кожевниковской коммуны...» О. Петр Авров был осужден особой тройкой ПП ОГПУ по Сибкраю 14 июня 1930 года по ст. 58-10-11 УК РСФСР к ВМН — расстрелу¹⁶⁸.

В феврале 1931 года Алексей Владимирович Кисилев из дер. Гусева Кривошеинского р-на (кузнец, прислуживавший псаломщиком в церкви), выехал в Томск на священнические курсы. В феврале же вернулся в Гусево с назначением на должность священника. За попытку создать церковную общину был арестован.

Его обвинили еще и в том, что «развалилась только что созданная инициативная группа в д. Гусевой по организации колхоза в количестве 16 хозяйств». О. Алексия, только что рукоположенного в священники, отправили в ссылку в Восточно-Сибирский край сроком на 5 лет¹⁶⁹. В апреле 1931 года в с. Мало-Жирово (сейчас Асиновский р-н, Томской обл.) забрали и осудили на 5 лет ИТЛ священника И. М. Богатова. Он обслуживал несколько деревень, и приход его возрос до 406 хозяйств. Но некий П. А. Попов написал на него донос, что «Богатов сказал ребятам, раз ваш отец неверующий, колхозник, то и вам нечего делать в церкви, детей колхозников ни причащать, ни исповедовать не буду... колхозников отпевать не буду», «не разрешал брать воду для крещения во дворе колхозника». И к тому же, «партийная и комсомольская ячейки готовили антипасхальный вечер, а священник Богатов вместо 12 часов ночи начал службу в 8 часов вечера и сорвал антипасхальный вечер»¹⁷⁰. В селе Успенка арестовали человек 10 и с ними священника Николая Викторовича Коростелева. Всех обвинили по ст. 58-10. Отца Николая расстреляли¹⁷¹. В селе Пышкино-Троицкое в это же время арестовали 12 односельчан (ст. 58-10) вместе со ссыльным священником Виктором Ивановичем Доброхотовым и сторожем церкви В. Г. Юдинцевым. Священник был приговорен к расстрелу, а сторожа отправили на 5 лет в исправительно-трудовые лагеря¹⁷². В ноябре 1932 года диакон Даниил Соколов из Туендата был осужден на 10 лет лагерей, хотя церковь была уже закрыта и он работал в колхозе счетоводом, но он запретил своим детям учиться в церкви, которую передали под школу¹⁷³. В 1932 году арестовали 2 сосланных в Томск священников: Марка Акимовича Никонишина, его осудили на 3 года концлагерей, и Федора Филимоновича Романовского. Романовского вскоре освободили, но в 1937 году его приговорили к ВМН¹⁷⁴.

Начиная с весны 1931 года, на территорию Томской области хлынули потоки раскулаченного крестьянства. С плодородных земель Алтая, Украины, Омской области, Красноярского края везли и везли до Томска вагоны-телятники крестьян. От Томска на баржах отправляли крестьян на поселение на север Томской области. До сих пор нет точных данных о количестве крестьян, сосланных на поселение в Томскую область. В первый же год половина раскулаченных умерли от эпидемий тифа, цинги и голода. В 1949 году на оставшихся в Томской области «кулаков» были заведены «личные дела», в которых они должны были ежемесяч-

но отмечаться в местных комендатурах. В архивах Томского МВД в настоящее время хранится более 100000 таких «дел», в каждом из которых по 5–6 и более человек — членов одной семьи, то есть где-то на 500–600 тысяч человек. В это число вошли и рожденные в кулацких семьях дети за период до 1949 года. Но рожденные в ссылке дети никак не компенсируют число умерших, сбежавших из ссылки, попавших в исправительно-трудовые лагеря, расстрелянных в 1937–1938 годах, погибших на войне и не вернувшихся после войны на спецпоселение. Вместе с раскулаченным крестьянством заодно отправляли на поселение в Нарымский край и сельских священников.

Немало духовенства отбывало ссылку в Нарымском крае, начиная с 1922 года. Некий протоиерей Петр Гаврилов из Бийска в 1934 году сообщил, что вместе с ним в Нарымской ссылке было около 130 священников¹⁷⁵.

В 1932–1933 годах арестовали 21 человека, названных кулаками, в Зырянском районе. В эту компанию были включены: священник Василий Иванович Тихов (церковь была уже закрыта в 1929 году), псаломщик Н. И. Грунин, староста церкви Е. К. Архипов, который организовал кружок верующих после закрытия церкви, где вместе читали Библию. Библия принадлежала Е. Шадрину. Собирались читать Библию на квартире у П.П. Сокольникова. Все они оказались «недовольными мероприятиями советской власти», «создали под руководством местного священника (Тихова) контрреволюционную кулацкую вредительскую группировку». «Руководителя» священника В. М. Тихова осудили на 10 лет концлагерей, Сокольникову Е. А. (которому было 80 лет) дали три года ссылки, остальным всем поровну — по 5 лет концлагерей¹⁷⁶.

К 1933 году в целом была закончена насильственная коллективизация сельского населения. Остались отдельные граждане, не проживавшие в деревнях и селах: охотники и насельники многочисленных староверческих скитов, разбросанных в самых отдаленных и неудобных для проживания районах в верховьях рек, в глухой тайге. Органами ОГПУ было сфабриковано дело под названием «Старообрядческая контрреволюционная повстанческая организация «Сибирское братство»». Старообрядцев обвинили в подготовке вооруженного восстания с целью свержения Советской власти, в антиколхозной и антисоветской агитации среди крестьян, в выпуске и распространении контрреволюци-

онных брошюр. С 1932 года начали прочесывание тайги с целью поисков таких скитов. По делу организации «Сибирское братство» было осуждено и приговорено к разным мерам наказания 283 человека. Из них епископов — 3, попов и начетчиков — 32, монахов — 74¹⁷⁷.

В 1935–1938 годах большое число священнослужителей обвинялось в том, что они были членами кадетско-монархической организации «Союз спасения России»¹⁷⁸. В эту несуществующую «организацию» органы НКВД включали священнослужителей Православной Церкви всех ориентаций, старообрядцев и представителей иных религиозных течений. Вообще, все дела на репрессированных в 1937 году епископов, священников, диаконов, церковных сторожей и просто активных мирян, сидящих в томских тюрьмах, из других регионов страны, местных и сосланных в Томский и Нарымский округа, предельно просты и одинаковы: ордер на арест, обыск, описание изъятых имущества, анкетные данные. На первом же допросе арестованного просили назвать знакомых (для последующего их ареста). Далее следовало обвинительное заключение, приговор и акт о приведении приговора в исполнение. Как правило, обвиняемые подписывали против себя самые чудовищные и фантастические обвинения. Возможно, и не подписывали. Складывается впечатление, что чаще всего дела фабриковались без участия обвиняемых. В деле священника Каюкова, например, среди перечня его знакомых, в «его собственном показании», назван и он сам¹⁷⁹.

Самые кровавые репрессии начались в 1937 году, когда почти все священнослужители были расстреляны. При изучении архивно-следственных дел Томского УФСБ нами было выявлено 282 человека священнослужителей и мирян Православной Церкви, арестованных в Томской области в 1937 году. Из них расстреляно было 276 человек. Среди расстрелянных в это время были: Томский епископ (Московской Патриархии) Серафим (Шамшин), Томский епископ (ориентации ВВЦС) Иувеналий (Зиверт), Томский архиепископ (обновленческой ориентации) Сергей Дмитриевский, старообрядческий епископ Томский Тихон (Сухов). Кроме местных епископов было еще расстреляно восемь православных епископов разных ориентаций, находившихся в исправительно-трудовой колонии № 2 г. Томска, и старообрядческий епископ, находившийся в ссылке в г. Колпашево. Естественно предположить, что и многие священники, ранее аресто-

ванные в Томске и отбывавшие свои сроки заключения в других регионах страны, потом также были расстреляны. Например, Томский епископ Серафим (Кокотов) в 1936 году был арестован в Томске и отбывал свой срок в Смоленске, а в 1938 году был расстрелян.

После массового уничтожения духовенства в 1937 году священников в томских храмах не осталось. В 1938 году на короткий срок (шесть дней) с приглашением игумена Василия (Сосновского) оживила Петропавловская церковь: совершались литургии, крещения, отпевания, молебны. Службы шли с раннего утра до поздней ночи. Народ «повалил» в церковь. Ежедневная посещаемость церкви была по пятьсот человек. Крестили до 30 детей в день. Однако 3 мая 1938 года на отца Василия было написано два доноса в органы НКВД от уборщицы Бабиной и Родчанина, назначенного старостой церкви за неделю до приезда Сосновского. 4 мая отец Василий был арестован и 20 ноября 1938 года — расстрелян¹⁸⁰. Оставшиеся на свободе, верующие миряне собирались вместе для совместной молитвы в Вознесенской и Иоанно-Лествичниковской церквях. В 1938 году Вознесенскую общину возглавил бывший псаломщик и сторож Воскресенской церкви Николай Дмитриевич Богданов. В январе 1940 года был найден и приглашен настоятелем Иоанно-Лествичниковской церкви священник Тимофей Гапочка. С марта 1940 года настоятелем Вознесенской церкви стал Иоанн Мельцев. С появлением священников церковная жизнь заметно оживилась. Значительно увеличилось число прихожан. Этого не могла допустить советская власть. Была организована травля верующих через газету «Красное знамя» (1940 г. 21 апреля). Отец Иоанн Мельцев отрекся от сана и покинул Томск¹⁸¹, отец Тимофей Гапочка скоропостижно скончался. А против всех «активных церковников» было в апреле 1940 года возбуждено уголовное дело. Девятнадцать человек было арестовано и обвинено по статье 58, пп. 10–11 как участники «контрреволюционной церковно-монархической организации»¹⁸². И церковные общины прекратили свое существование.

После репрессий 30-х годов в Томской области не осталось ни одного действующего храма, ни одной зарегистрированной общины Православной Церкви. Могло показаться, что безбожная власть одержала победу над Церковью. Однако верующих было немало. Многие тайно крестили своих детей. Обычно по-

жилие женщины, знавшие некоторые крещальные молитвы, совершали погружения. Нам приходилось слышать от одной женщины, как она была крещена в начале 40-х годов. Проживала она в одной из деревень нынешнего Асиновского района. На краю деревни был маленький домик, в котором жил священник. Тогда эта женщина была маленькой девочкой. Однажды ее мама взяла с собой. Они оделись, как будто пошли собирать грибы или ягоду, чтоб не навлечь на себя подозрения, и отправились в дом священника. Женщина вспоминает, что обстановка была очень убогой, а священник был совсем старый и немощный. С ним проживали две старушки (по словам женщины, монашки), которые помогали ему даже подняться с лежанки. Старичок-священник ласково поговорил с девочкой и совершил над ней крещение. К сожалению, эта женщина не запомнила ни имени священника, ни других подробностей.

В 1943 году советское правительство меняет свою религиозную политику. Было дозволено открытие в епархиях небольшого числа храмов. После вдовства Томской кафедры с 1937 года в 1943 году она вошла в Новосибирскую епархию, куда был назначен архиепископ Варфоломей (Городцев). В 1944 году было разрешено открыть в Томске церкви Петропавловскую¹⁸³ и Троицкую (бывшую единоверческую)¹⁸⁴ и церкви в поселках Моряковский Затон¹⁸⁵ и Тогур¹⁸⁶. Во вновь открывшихся храмах стали совершаться богослужения, однако репрессии по отношению к Церкви не прекратились. В 1948 году был арестован и приговорен к 10 годам ИТЛ и 5 годам поражения в правах клирик Троицкой церкви архимандрит Питирим (Локтионов). Вместе с о. Питиримом было арестовано еще пять человек: церковный староста, помощник старосты, два церковных сторожа и просто верующая Мария Васильевна Егорова. М. В. Егорова обвинялась в том, что собирала подписи для открытия церкви в Томске, носила передачи в тюрьму священнослужителям, оказывала приют монахам и священникам, отбывшим сроки заключения, и в том, что на ее квартире совершались богослужения. За все это М. В. Егорову осудили на 7 лет ИТЛ¹⁸⁷. В 1949 году в антисоветской деятельности были обвинены и осуждены на 25 лет ИТЛ и 5 лет поражения в правах 63-летний настоятель Троицкой церкви о. Михаил Петров (уже отбывший 6 лет концлагерей)¹⁸⁸ и бухгалтер Троицкой церкви Вениамин Андреевич Хаов (отбывший ранее 10 лет концлагерей)¹⁸⁹. В 1950 году арестован 75-летний мит-

рофорный протоиерей Михаил Рубинский (осужден на 10 лет ИТЛ и 5 лет поражения в правах)¹⁹⁰. Разрешив открытие четырех церквей в Томской области в 1945 году, власти всячески препятствовали дальнейшему открытию храмов. Через много лет с большими трудностями верующие смогли зарегистрировать общину и построить небольшую церковь в городе Асине (1977 год). Далее, вплоть до 1988 года, в Томской области церковные общины не регистрировались.

Примечания

- ¹ Декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах п. 13 от 20 января (2 февраля) 1918 г. // Известия. 1918. 21 января (3 февраля).
- ² Историческая записка об обновленческом движении в Алтайской епархии // Документы по истории церквей и религиозных объединений в Алтайском крае. Барнаул: Управление архивного дела администрации Алтайского края, 1999. С. 15.
- ³ Справочная книга по Томской епархии 1914 / Под рук. Карташева. Томск, 1914.
- ⁴ ГАТО. Ф. 170. О. 7. Д. 708.
- ⁵ Томские епархиальные ведомости. 1886. № 12.
- ⁶ ГАТО. Ф. 170. О. 3. Д. 4944. Л. 92–96.
- ⁷ Евтихиева И.А. Чудотворные иконы Томской епархии // Православие и Россия: прошлое, настоящее, будущее: Материалы Духовно-исторических чтений / Под ред. Протоиерея Л.М. Хараима и к. ф. н., доцента О. Т. Лойко. Томск: Изд-во НТЛ, 1998. С. 117–132.
- ⁸ ГАТО. Ф. Р-53. О. 1. Д. 24. Л. 98.
- ⁹ Знамя революции. Томск. 1918. 9 марта.
- ¹⁰ Томский церковно-общественный вестник 1918. № 12.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Томские Епархиальные ведомости. 1919. № 7–8.
- ¹³ Заплавный С.А. Рассказы о Томске. Новосибирск, Западно-Сибирское кн. изд-во, 1980. С. 213.
- ¹⁴ Вестник Томской губернии. 1919. № 66.
- ¹⁵ Томский церковно-общественный вестник. 1918. № 30.
- ¹⁶ Томский церковно-общественный вестник. 1918. № 28.
- ¹⁷ ГАТО. Ф. 102. О. 9., Д. 141.
- ¹⁸ ГАТО. Ф. 1362. О. 1. Д. 307.
- ¹⁹ Вестник Томской губернии. 1919. № 140; ЦДНИ ТО. Ф. 4204. О. 1. Д. 64. Л. 11 (об.).
- ²⁰ Архив УФСБ по ТО. Д. № П-11292.
- ²¹ Архив УФСБ по ТО. Д. № П-1022.
- ²² Архив УФСБ по ТО. Дело без номера.
- ²³ Архив УФСБ по ТО. Д. № П-1526.
- ²⁴ Архив УФСБ по ТО. Д. № П-11821.
- ²⁵ Архив УФСБ по ТО. Д. № П-9441.
- ²⁶ ГАТО. Ф. Р-202. О.1. Д. 20. Л. 16.
- ²⁷ Архив УФСБ по ТО. Д. № П-915.
- ²⁸ Архив УФСБ по ТО. Д. № П-927.
- ²⁹ ГАТО. Ф. Р-53. О. 1. Д. 66. Л. 319–321.
- ³⁰ Поспеловский Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке. М.: Республика, 1995. С. 58.
- ³¹ См., например, «договор» с общиной Троицкого собора: ГАТО. Ф. Р-430. О. 1. Д. 117.
- ³² ГАТО. Ф. Р-200. О. 1. Д. 17а. Л. 337.

- ³³ ГАТО. Ф. Р-53. О. 1. Д. 172. Л. 18.
³⁴ ГАТО. Ф. Р-53. О. 1. Д. 32. Л. 18.
³⁵ ГАТО. Ф. Р-202. О. 1. Д. 150. Л. 380.
³⁶ ГАТО. Ф. Р-202. О. 2. Д. 2. Л. 388.
³⁷ Знамя революции. Томск. 1920. № 141.
³⁸ ГАТО. Ф. Р-53. О. 1. Д. 4. Л. 153.
³⁹ ГАТО. Ф. Р-202. О. 1. Д. 237. Л. 15.
⁴⁰ ГАТО. Ф. Р-202. О. 1. Д. 169. Л. 19.
⁴¹ Знамя революции. Томск. 1920. 14 октября.
⁴² Знамя революции. Томск. 1920. 8 июня.
⁴³ ГАТО. Ф. Р-278. О. 3. Д. 19. Л. 180.
⁴⁴ ЦДНИ ТО. Ф. 1. О. 1. Д. 55. Л. 429.
⁴⁵ ЦДНИ ТО. Ф. 1. О. 1. Д. 55., Л. 455 об.
⁴⁶ Архив УФСБ по ТО. Д. № П-11336.
⁴⁷ Архив УФСБ по ТО. Д. № П-7791.
⁴⁸ Знамя революции. 1920. № 133.
⁴⁹ Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917—1943 / Сост. М. Е. Губонин. М., 1994. С. 188—190.
⁵⁰ Там же. С. 190.
⁵¹ Там же. С. 191.
⁵² Известия. 1922. 15 марта.
⁵³ Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 191—194.
⁵⁴ Дмитриенко Н. М. Дело томских церковников // Социально-политическое развитие Сибири (XIX-XX вв.). Томск: Изд-во Том. ун-та. 1998.
⁵⁵ Красное знамя. 1922. № 74.
⁵⁶ ЦДНИ ТО. Ф. 1. О. 1. Д. 70. Л. 10.
⁵⁷ Красное знамя. Томск. 1922. № 76.
⁵⁸ Красное знамя. Томск. 1922. № 77.
⁵⁹ Красное знамя. Томск. 1922. № 78.
⁶⁰ Красное знамя. Томск. 1922. 13 апреля.
⁶¹ Красное знамя. Томск. 1922. 16 апреля.
⁶² Красное знамя. Томск. 1922. № 98.
⁶³ Красное знамя. Томск. 1922. 27 мая.
⁶⁴ Красное знамя. Томск. 1922. 8 июня.
⁶⁵ ГАТО. Ф. Р-236. О. 2. Д. 96. Л. 12—13, 78—79, 90.
⁶⁶ Красное знамя. Томск. 1922. № 176.
⁶⁷ Цыпин В., прот. История Русской Церкви 1917—1997. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря. 1997. С. 76.
⁶⁸ Бочкарев В., прот. История обновленческого церковного раскола в Западной Сибири // Культурный, образовательный и духовный потенциал Сибири (середина XIX—XX вв.): Сб. науч. тр. Новосибирск: Изд-во СО РАН, НИЦ ОИГМ, 1977. С. 120.
⁶⁹ Культурный, образовательный и духовный потенциал Сибири (середина XIX—XX вв.): Сб. науч. тр. Новосибирск: Изд-во СО РАН, НИЦ ОИГМ, 1977. С. 120.
⁷⁰ Красное знамя. Томск. 1922. № 102.

- ⁷¹ ОСД УАДАК. Ф. Р-2. Д. 5741. Л. 43.
⁷² ЦДНИ. Ф. 1. О. 1. Д. 70. Л. 23.
⁷³ Бочкарев В., прот. История обновленческого церковного раскола в Западной Сибири // Культурный, образовательный и духовный потенциал Сибири (середина XIX—XX вв.): Сб. науч. тр. Новосибирск: Изд-во СО РАН, НИЦ ОИГМ, 1977. С. 120.
⁷⁴ Красное знамя. Томск. 1922. № 124.
⁷⁵ Красное знамя. Томск. 1922. № 127.
⁷⁶ Красное знамя. Томск. 1922. № 134.
⁷⁷ ГАТО. Ф. Р-236. О. 1. Д. 96. Л. 4—14.
⁷⁸ Красное знамя. Томск. 1922. № 176.
⁷⁹ Красное знамя. Томск. 1922. № 184.
⁸⁰ Бочкарев В., прот. История обновленческого церковного раскола в Западной Сибири // Культурный, образовательный и духовный потенциал Сибири (середина XIX—XX вв.): Сб. науч. тр. Новосибирск: Изд-во СО РАН, НИЦ ОИГМ, 1997. С. 124.
⁸¹ Документы по истории церквей и религиозных объединений в Алтайском крае (1917—1998). Барнаул: Управление архивного дела администрации Алтайского края, 1999. С. 15—16.
⁸² Бочкарев В., прот. История обновленческого церковного раскола в Западной Сибири // Культурный, образовательный и духовный потенциал Сибири (середина XIX—XX вв.): Сб. науч. тр. Новосибирск: Изд-во СО РАН, НИЦ ОИГМ, 1997. С. 122.
⁸³ Документы по истории церквей и религиозных объединений в Алтайском крае (1917—1998). Барнаул: Управление архивного дела администрации Алтайского края, 1999. С. 15.
⁸⁴ Красное знамя. Томск. 1922. № 220.
⁸⁵ Томские епархиальные ведомости. 1916. № 13.
⁸⁶ Цыпин В., прот. История Русской Церкви 1917—1997. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря. 1997. С. 93.
⁸⁷ Из кн.: Левитин-Краснова А., Шаврова В. Очерки по истории русской церковной смуты. М., 1996. С. 189.
⁸⁸ Там же.
⁸⁹ Документы по истории церквей и религиозных объединений в Алтайском крае (1917—1998). Барнаул: Управление архивного дела администрации Алтайского края, 1999. С. 16.
⁹⁰ Бочкарев В., прот. История обновленческого церковного раскола в Западной Сибири // Культурный, образовательный и духовный потенциал Сибири (середина XIX—XX вв.): Сб. науч. тр. Новосибирск: Изд-во СО РАН, НИЦ ОИГМ, 1997. С. 122—123.
⁹¹ Красное знамя. Томск. 1922. № 233.
⁹² Бочкарев В., прот. История обновленческого церковного раскола в Западной Сибири // Культурный, образовательный и духовный потенциал Сибири (середина XIX—XX вв.): Сб. науч. тр. Новосибирск: Изд-во СО РАН, НИЦ ОИГМ, 1997. С. 123.
⁹³ ОСД УАДАК. Ф. 1. Р-2. Д. 5741. Л. 104.
⁹⁴ Там же. Л. 106.

- ⁹⁵ Бочкарев В., прот. История обновленческого церковного раскола в Западной Сибири // Культурный, образовательный и духовный потенциал Сибири (середина XIX – XX вв.): Сб. науч. тр., Новосибирск: Изд-во СО РАН, НИЦ ОИГМ, 1997. С. 123.
- ⁹⁶ Красное знамя. Томск. 1922. № 233.
- ⁹⁷ Цыпин В., прот. История Русской Церкви 1917 – 1997. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря. 1997. С. 731.
- ⁹⁸ Там же. С. 764.
- ⁹⁹ Архив УФСБ по ТО. Д. № П-11336.
- ¹⁰⁰ Там же.
- ¹⁰¹ Там же.
- ¹⁰² Архив УФСБ по ТО. Д. № П-11160.
- ¹⁰³ ГАТО. Ф. Р-430. О. 1. Д. 121.
- ¹⁰⁴ Там же. Л. 4.
- ¹⁰⁵ ГАТО. Ф. Р-430. О. 1. Д. 121. Л. 4 – 5.
- ¹⁰⁶ Там же. Л. 5 – 6.
- ¹⁰⁷ Там же. Л. 4.
- ¹⁰⁸ ОСД УАДАК. ФР. 2. Д. 22312. Л. 12 – 18.
- ¹⁰⁹ Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917 – 1943 / Сост. М. Е. Губонин. М., 1994. С. 169.
- ¹¹⁰ Там же. Л. 12.
- ¹¹¹ ОСД УАДАК. ФР. 2. Д. 22312. Л. 10.
- ¹¹² Там же. Л. 12 – 14.
- ¹¹³ ГАТО. Ф. Р-430. О. 1. Д. 121. Л. 23 – 24.
- ¹¹⁴ Там же. Л. 22-23.
- ¹¹⁵ Архив УФСБ по ТО. Д. № П-5188. Л. 7.
- ¹¹⁶ Там же.
- ¹¹⁷ Архив УФСБ по ТО. Д. № П 7414.
- ¹¹⁸ Томские православные ведомости. Апр. 1991 года. № 3 (5).
- ¹¹⁹ ГАТО. Ф. Р-430. О. 1. Д. 52.
- ¹²⁰ ГАТО. Ф. Р-430. О. 1. Д. 32.
- ¹²¹ ГАТО. Ф. Р-430. О. 1. Д. 7.
- ¹²² ГАТО. Ф. Р-430. О. 1. Д. 117.
- ¹²³ Там же.
- ¹²⁴ ГАТО. Ф. Р-430. О. 1. Д. 181. Л. 44.
- ¹²⁵ ГАТО. Ф. Р-430. О. 1. Д. 3.
- ¹²⁶ ГАТО. Ф. Р-430. О. 1. Д. 9.
- ¹²⁷ ГАТО. Ф. Р-430. О. 1. Д. 34.
- ¹²⁸ ГАТО. Ф. Р-430. О. 1. Д. 12.
- ¹²⁹ ГАТО. Ф. Р-430. О. 1. Д. 53 б.
- ¹³⁰ ГАТА. Ф. Р-430. О. 1. Д. 8.
- ¹³¹ Там же.
- ¹³² Архив УФСБ по ТО. Д. № П-8122.
- ¹³³ ГАТО. Ф. Р-430. О. 1. Д. 53 а.
- ¹³⁴ ГАТО. Ф. Р-430. О. 1. Д. 80. Л. 165.
- ¹³⁵ Там же.

- ¹³⁶ ГАТО. Ф. Р-430. О. 1. Д. 689.
- ¹³⁷ ГАТО. Ф. Р-430. О. 1. Д. 12. Л. 176.
- ¹³⁸ Архив ГАТО. Ф. Р-588. Оп. 1. Д. 592. Л. 11 – 12.
- ¹³⁹ ГАТО. Ф. Р-430. О. 1. Д. 474. Л. 268.
- ¹⁴⁰ ГАТО. Ф. Р-588. Оп. 1. Д. 142. Л. 20.
- ¹⁴¹ ГАТО. Ф. Р-430. О. 1. Д. 53 а. Л. 195.
- ¹⁴² Там же. Л. 307.
- ¹⁴³ ГАТО. Ф. Р-430. О. 1. Д. 596. Л. 49 – 52.
- ¹⁴⁴ ГАТО. Ф. Р-588. Оп. 1. Д. 33. Л. 28.
- ¹⁴⁵ Там же. Л. 58.
- ¹⁴⁶ ГАТО. Ф. Р-430. О. 1. Д. 80.
- ¹⁴⁷ ГАТО. Ф. Р-430. О. 1. Д. 870.
- ¹⁴⁸ Архив УФСБ по ТО. Д. № П-7414.
- ¹⁴⁹ Уйманов В. Н. Репрессии. Как это было... (Западная Сибирь в 20-х – начале 50-х годов). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. С. 67 – 68.
- ¹⁵⁰ Архив УФСБ по ТО. Д. № П-2110.
- ¹⁵¹ Цыпин В., прот. История Русской Церкви 1917 – 1997. М.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. С. 187.
- ¹⁵² ГАТО. Ф. Р-430. О. 1. Д. 870.
- ¹⁵³ ГАТО. Ф. Р-430. О. 1. Д. 12.
- ¹⁵⁴ ГАТО. Ф. Р-430. О. 1. Д. 32; Красное знамя. Томск. 1930. 31 янв.
- ¹⁵⁵ ГАТО. Ф. Р-430. О. 1. Д. 13.
- ¹⁵⁶ ГАТО. Ф. Р-430. О. 1. Д. 9.
- ¹⁵⁷ Там же.
- ¹⁵⁸ Красное знамя. Томск. 1931. № 73.
- ¹⁵⁹ Архив УФСБ по ТО. Д. № П-898.
- ¹⁶⁰ Архив УФСБ по ТО. Д. № П-10975.
- ¹⁶¹ Архив УФСБ по ТО. Д. № П-899.
- ¹⁶² Там же.
- ¹⁶³ Архив УФСБ по ТО. Д. № П-8376.
- ¹⁶⁴ Архив УФСБ по ТО. Д. № П-2526.
- ¹⁶⁵ Архив УФСБ по ТО. Д. № П-8525.
- ¹⁶⁶ Архив УФСБ по ТО. Д. № П-8363.
- ¹⁶⁷ Архив УФСБ по ТО. Д. № П-5997.
- ¹⁶⁸ Архив УФСБ по ТО. Д. № П-12020.
- ¹⁶⁹ Архив УФСБ по ТО. Д. № П-7791.
- ¹⁷⁰ Архив УФСБ по ТО. Д. № П-7778.
- ¹⁷¹ Архив УФСБ по ТО. Д. № П-7917.
- ¹⁷² Архив УФСБ по ТО. Д. № П-7949.
- ¹⁷³ Архив УФСБ по ТО. Д. № П-8514.
- ¹⁷⁴ Архив УФСБ по ТО. Д. № П-2522.
- ¹⁷⁵ ЦХАФАК. Ф. Р-536. О. 1. Д. 239. Л. 70.
- ¹⁷⁶ Архив УФСБ по ТО. Д. № П-6258.
- ¹⁷⁷ Боль людская: Книга памяти томичей, репрессированных в 30 – 40-е и начале 50-х годов / Сост.: В. Н. Уйманов и Ю. А. Петрухин. Управление КГБ СССР по Томской области, 1991. С. 345.
- ¹⁷⁸ Там же. С. 272.
- ¹⁷⁹ Архив УФСБ по ТО. Д. № П-9354.